

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

45

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Протоиерей Д. Константинов. Апология церковного конформизма	1
В. Пирожкова. Несколько слов о "Журнале Московской Патриархии" и митрополите Филарете Киевском и Галицком	3
П. Маргушин. Борьба за веру о. Глеба Якунина	5
Протоиерей Д. Константинов. Несколько предварительных слов	6
К. Головин. Грядет день...	8
Д. Штурман. Вера в магию лозунга	15
Рецензии	16
В. Р. По страницам печати	19
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	21
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати.	28
Н. Воейков. Основы российского самодержавия.	36
В. Пирожкова. Идеал и действительность	40
М. Михайлов. О пресловутом тоталитаризме.	43
В. Сидоров. Еще о тресте	45
С. Тиктин. Что ж, назовем вещи своими именами.	47
Письмо в редакцию.	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№45

Июнь 1987

Мюнхен

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

АПОЛОГИЯ ЦЕРКОВНОГО КОНФОРМИЗМА*

Тема эта, весьма актуальная в свете всего происходящего в СССР, особенно обострилась в наши дни в связи с так называемой перестройкой, проводимой по инициативе нового генсека. Некоторые изменения отношений между диктатурой и РПЦ, начавшиеся с передачи Московской патриархии руин Даниловского монастыря, вызвали ряд вопросов и предположений, связанных с положением Церкви в СССР в ближайшие годы. Двухмиллионный заем, предоставленный советским правительством Московской патриархии для восстановления зданий Свято-Троице-Сергиевой лавры, фактически уничтоженных и пострадавших при сентябрьском пожаре, усилили недоумения советологов, усиленно гадающих о будущих взаимоотношениях советского государства и РПЦ. Молчаливая согласованность действий центрального церковного управления в лице Московской патриархии и соответствующих органов власти, ведающих религиозными делами, свидетельствует о какой-то внутренней договоренности, не дающей выплеснуться наружу намеченным принципиальным основам сосуществования коммунистического государства и Церкви.

Однако некоторые документы, созданные явно по подсказке власти, дают ориентировочное приблизительное представление о том, во что выльется в конечном итоге "перестройка" отношений Церкви и коммунистического государства. Среди таких, дошедших до западного мира документов, следует отметить покаянное выступление религиозного диссидента С. В. Маркуса, опубликованное в "Стране и мире" (№ 12, 1986). Приговоренный в 1984 г. к трем годам лагеря по ст. 190—1, он был досрочно освобожден и в апреле 1986 г. очутился в Москве. До этого в январе того же года Маркус выступил с интервью по первой программе московского телевидения,

в котором говорил о своих "преступных заблуждениях". Он написал также письмо священнику о. А. Меню, которое, не без участия органов власти, стало общеизвестным. Мы далеки от осуждения Маркуса, понимая всю сложность и бедственность положения всех без исключения диссидентов, срывающихся с намеченного пути и переходящих на путь конформизма. Мы далеко не уверены и в том, что все, осуждающие поведение лиц, не устоявших и пошедших на соглашение с властью, сумели бы соблюсти чистоту своих риз, попав в советские застенки, а поэтому воздерживаемся от всяких отрицательных суждений по адресу Маркуса. Публикация его письма священнику А. Меню сопровождается довольно большим предисловием, написанным кем-то в Москве и подписанным по понятным причинам только инициалами, и послесловием, написанным Н. Лосским (Париж). Однако ни предисловие, ни послесловие не отметили того, что следовало прежде всего отметить. Запрограммированность властью выступлений Маркуса в плане отчетливо выраженной намечки взаимоотношений Церкви и коммунистического государства в наше время. В этом заключается главное, в этом прежде всего суть и причины выступления Маркуса, которое явилось в определенный момент наиболее подходящим выразителем "перестроечных" намерений власти. А намерения эти совершенно недвусмысленно выражены в фактически открытом письме раскаявшегося диссидента священнику о. Александру Меню. Эту программную особенность "богословских социологических интуиций" автора или не заметили, или не придали им значения. А между тем именно в них лежит основа всего спектакля, разыгранного на фоне "дела" Маркуса.

"Задача Церкви двояка, — сообщает нам Маркус, — как проводница Духа, она готовит

*В основу данной статьи положена другая, более ранняя моя статья — "Проповедь церковного конформизма", Новое Русское Слово, Нью-Йорк, 3 апреля 1987, №27, 372, стр. 4.

человека к освобождению из мира, но, чтобы осуществить это освобождение, сначала надо обеспечить существование в этом мире, то есть поддерживать все его созидательные и упорядочивающие структуры: государство, культуру, экономику, семью..." Какого государства? — спросим мы. Всякого, независимо от его духовной направленности? Ответа нет. Но тем самым предполагается в принципе ответ положительный: да, всякого. Почему? "Чтобы демоническое разрушение не охватило мир", — отвечает нам Маркус. А если само это государство отрицает Бытие Божие и активно борется с Богом, разве не является оно само тем демоническим началом, о котором говорит Маркус? Ответа нет, и это красноречиво свидетельствует о фактической направленности концепции Маркуса.

Мы слышим призыв о повышении ответственности за судьбы мира, призыв к "творческому участию в государственной работе". А обоснование для такого призыва он находит в словах апостола Павла, что всякая власть от Бога. Коммунистическая власть в лице Маркуса сообщает всем верующим, что Церковь должна поэтому поддерживать любое государство, в том числе языческое и советское, как внешнюю силу, организующую человека того уровня, когда он не исполняет заповеди Библии.

Маркус задает роковой вопрос, целиком открывающий планы власти. "Может ли Дух использовать любую материальную форму, в том числе и марксизм?". Ответ дается лукавый, но исчерпывающий: "Почему бы и нет, если Ему служит все сотворенное?" И вот здесь начинается открытая апология советского строя и общества. Власть через бывшего религиозного диссидента заявляет, что социализм в мире растет и расширяется. Появляются социалистические элементы и в структуре западных обществ. Советский социализм не демоничен и не является "империей зла". Широкие программы социального обеспечения населения (?!), высокий уровень фундаментальных наук и классической культуры, меры по усилению порядка и дисциплины, трезвого образа жизни, запрет порнографии и многое другое перечисляется в письме Маркуса как нечто, подтверждающее фактически христианский характер советской власти. Не ново все это. Вся эта апология насчитывает немало десятков лет своего существования, изменяясь лишь в деталях в соответствии с хронологией тех или иных событий и периодов.

"Удивительные перемены, — умиляется Маркус, — в сторону повышения уровня существования и реализации заповедей! Значит, поистине, язычник, имеющий в сердце Закон, ближе к Господу, чем верующий, славящий Его лишь устами. Такова парадок-

сальная реальность присутствия истинных религиозных ценностей в жизни атеистического государства". Поэтому Церковь обязана объединить усилия с марксистами в поддержке существования такого государства.

Концепция достаточно ясная, позволяющая отчетливо увидеть куда, в какую сторону направляется горбачевская "перестройка" во взаимоотношениях власти и Церкви, развивающаяся на путях беспредельного конформизма, причем конформизма одностороннего. Она ровным счетом никуда не направляется, а старается в благообразных формах сохранить свое тираническое давление на РПЦ, приспособив церковную жизнь к собственным нуждам. А что касается язычников, "имеющих в сердце Закон", то по данному вопросу свободная часть Православной Церкви имеет свое собственное мнение, радикально отличающееся от точки зрения, проповедуемой бывшим диссидентом.

Маркусовская апологетика предлагает православным людям "различать духов" и эмоционально не отталкиваться от "советского", т. е. советский социализм, созданный в СССР, реализует на практике заповеди Спасителя. Прав Маркус, когда утверждает, что "христианское понятие свободы и буржуазно-демократическое, которое сейчас отстаивает запад, — несовместимы". Это, вероятно, в каком-то отношении верно. Та величайшая ответственность свободы, которую отстаивал апостол Павел, в наше время часто отсутствует и заменяется распушенностью. Но, конечно, это не дает основания восхвалять мифическое "практическое христианство" диктатуры номенклатуры, которое ожесточенно пропагандирует Маркус.

Маркус восстает против возможности существования в СССР нелегальных религиозных общин и утверждает, что "конфликт Церкви с советским государством погас за ничтожно короткий отрезок времени, с 1942 года стороны резко пошли на сближение и не получилось ли, что "милые бранятся только тешатся", что Церковь узнала в государстве слугу Господа?". Не говоря уже о том, что неизвестно куда в этом случае делись хрущевские гонения шестидесятых годов и брежневская замедленная война с РПЦ, поразительно слышать в устах православного человека кощунственное утверждение, что богоборческая советская власть и КПСС являются слугами Господа.

Пишущий эти строки всегда отдавал должное попыткам религиозных диссидентов как-то изменить положение на религиозном фронте в СССР. Но, отдавая должное, никогда не воспринимал некритически взгляды и высказывания, а равно и деятельность религиозной оппозиции. Мне представлялось, что в них много незрелого и непродуманного, нет до-

статочно верного и глубокого взгляда на ряд сторон Православия; я всегда сознавал возможность отпадения ряда деятелей религиозной оппозиции под влиянием обстоятельств и никогда не осуждал их, зная всю реальность слагающейся обстановки, но никогда не думал, что можно прийти до такой "перестроечной апологетики", до которой дошел Маркус. Должен сказать неприятную правду: участники религиозно-оппозиционного движения довоенных сталинских времен были значительно менее многословны, чем наши современники, но никогда не доходили до той степени безграничной капитуляции, до которой дошел автор письма к священнику о. Александру Меню. Возможно, что "трансцендентное знание может достигнуть всякого, даже минуя разум" (Маркус), но утверждение о том, что советская власть является носителем христианского мышления де-факто, является выдумкой, необходимой для перестроечно-практических целей власти, — и не более.

Маркус выбирает для себя путь "социалистического обновления", отказа от антисоветского "экстремизма" и признания наличия в советском обществе воплощенных и воплощаемых христианских ценностей. Отсю-

да вытекает еще один тезис о богословской и социологической оправданности "совместной работы". Не будем расшифровывать этот очередной и не вполне понятный иероглиф, но отметим то, что следует отметить. Органы власти воспользовались случаем Маркуса, чтобы через него сформулировать основные положения взаимных отношений Церкви и государства в условиях "зрелого социализма". Они сводятся к полному церковному конформизму, превращению РПЦ в значительной мере в подсобный служащий власти аппарат, помогающий диктатуре там, где это будет возможным, особенно же на "миротворческом направлении". Власть же, со своей стороны, берет на себя обязанность более "культурно" относиться к РПЦ и вообще к религиозному сектору страны, предоставляя, например, РПЦ возможность открытия новых храмов и монастырей, предоставляя ей некоторые права, вроде права юридического лица, давая ей более спокойно дышать, чем в более ранние годы, прекратив скрытые и явные гонения, в какой-то степени "нормализуя" положение религиозного сектора страны. В этом, очевидно, и будет заключаться перестройка на религиозном фронте.

В. ПИРОЖКОВА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О "ЖУРНАЛЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ" И МИТРОПОЛИТЕ ФИЛАРЕТЕ КИЕВСКОМ И ГАЛИЦКОМ

Собственно говоря, давно надо было бы проанализировать этот журнал. Но у нас и сейчас, к сожалению, нет времени предпринять полный анализ тех последних номеров, которые лежат перед нами, №№ 3 и 4 за 1987 г. Однако несколько слов мы об этих журналах все же скажем. Вот перед нами отдел "В защиту мира". Здесь мы находим отчет о заседании президиума христианской мирной конференции, состоявшейся в Киеве 24—27 ноября 1986 г. Начинается сей отчет с телеграмм патриарха митрополиту Филарету, после чего следует телеграмма этого самого митрополита Горбачеву, полная самой униженной лести по адресу "великой мирной политики" генсека и нападения на президента Рэйгена из-за его программы СОИ. Стиль телеграммы митрополита невозможно отличить от стиля "Правды".

Затем мы находим в этом номере статью некоего А. Парменова "Уроки Нюрнберга". Предпослав своей статье цитаты из Ветхого Завета о необходимости исторжения из своей среды нечестивых, сей автор утверждает, что около 50 тысяч нацистских военных преступников "укрываются от заслуженного возмездия" (стр. 49), даже не от наказания, а от

возмездия пишет этот автор "Журнала Московской Патриархии", забыв другую цитату из Ветхого Завета: "Мне отмщение и Аз воздам", настоятельно повторенную апостолом Павлом (Рим, 12, 19). Почти через столетия этот "благочестивый" автор хочет еще мстить за прошлое, забывая или, вернее, сознательно опуская, сколько нечестивых живет сейчас совсем не прячась, увы, в той стране, где издается этот журнал. Не признать ли, согласно изречению из Ветхого Завета, предпосланного Парменовым своей статье: "Истреби зло из среды себя" (Втор. 13, 5), истребить зло именно из своего общества, исторгнуть из него КГБ, начальников и надсмотрщиков концлагерей, существующих теперь, а не существовавших полвека тому назад в другой стране, исторгнуть из себя врачей-психиатров, пытающих инакомыслящих под видом лечения. О да, тов. Парменов, умеющий цитировать Ветхий Завет, обрати свой взгляд на самого себя и на свое окружение, посмотри в зеркало того общества, в котором ты живешь, ты увидишь достаточно зла, живого и активного, которое следует истребить из своей среды, и как можно скорее. Если А. Парменов этим на-

конец займется, вместо того, чтобы призывать к мести старикам, уже почти столетия никаким активным злом не занимающимся, даже если они и были виноватыми в прошлом (а на многих просто клеветают), если, повторыем, Парменов займется этим актуальным истреблением ныне процветающего зла из своей среды, то он может быть уверен в нашей поддержке.

Кстати, напомним А. Парменову слова уже не из Ветхого, а из Нового Завета: "Или как скажешь брату твоему: "дай, я выну сучок из глаза твоего", а вот в твоём глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из глаза твоего, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего" (Мф. 7, 4–5). Но, может быть, Парменов и не заглядывал в Новый Завет?

В № 4 "Журнала Московской Патриархии" напечатано выступление митрополита Калининского и Кашинского Алексия на конференции "Уроки Нюрнберга", происходившей в Москве 11–13 ноября 1986 г. В этом выступлении митрополит Алексей говорит, как Церковь с самого начала войны приняла в ней участие. Уже тогда Предстоятель Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский Сергей разослал по всем приходам воззвание, призывавшее русских людей сражаться за Родину (с большой буквы). Митрополит Алексей упоминает, что митрополит Сергей стал потом патриархом, но он "скромно" умалчивает, отчего же предстоятель, а не патриарх разослал 22 июня 1941 г. это послание? Да оттого, что патриарха тогда вообще не было. Богоборческая власть запретила избрать нового патриарха после смерти патриарха Тихона в 1925 г. Не следовало ли бы митрополиту Алексию осведомить об этом иностранных членов этой международной конференции? Интересно было бы тоже знать, **каким** приходам разослал предстоятель свое послание? Сколько их еще оставалось в то время открытых, "работающих", как говорят теперь? В моем родном городе Пскове, например, последняя церковь города, скромная кладбищенская, была закрыта за два года до начала войны. В Пскове некому было рассылать это послание. Или он послал его в антирелигиозные музеи, в которые были превращены прекрасные соборы, в том числе и древний Псковский собор, возвышавшийся на стоке Псковы и Великой, на том месте, где еще св. княгиня Ольга велела поставить первый крест? Кто бы принял там это послание? Сторожа, следившие за неизбежно уныло качавшимся там маятником Фуко, ни в чем не повинном, но от которого невежественные советские богоборцы тех времен ждали опровержения бытия Божия? Отчего митрополит Алексей не осведомил иностранцев, что тогда можно было по

пальцам пересчитать во всей стране открытые церкви и еще совершавших службы священников? Софийский собор в Киеве тоже был превращен в антирелигиозный музей, так же как Исакиевский и Казанский в Ленинграде и многие другие.

Дальше в речи митрополита идет еще хуже. Он говорит: "Оккупанты вели себя кощунственно. После грабежа населения они бросались в церкви, сбивали замки и, взломав двери, группами, в шапках, с куревом в зубах, с собаками на поводках нагло кощунствовали и издевались над народными святынями. Стреляли по иконам, врываются с собаками в алтарь, оскверняли неприкосновенные для мирян места, престолы и священные предметы на них. Предостережения и просьбы священнослужителей влекли за собой издевательство и насилия над ними вплоть до расстрела" (стр. 39). Интересно, сколько лет митрополиту? Если он еще помнит довоенное время разгрома церквей коммунистами, то он мог свои "живые картины" срисовать с этих своих воспоминаний. Есть сведения, что Берия любил постреливать в иконы. У меня есть воспоминания детства: в деревне, где мы часто проводили лето, один коммунистический деревенский активист разрубил в церкви иконы топором. Вскоре после этого в совсем мелкой реке, где утонуть мог разве что младенец, утонула 9-летняя дочь этого активиста. В деревне все говорили, что это — кара Божия, и сам сникнувший активист так, кажется, считал. Не мне судить, так ли это было. Но не эти ли картины мерещились митрополиту, когда он говорил о бесчинствах в церквях, которые якобы производили оккупанты? С каких церквей они сбивали замки? С тех, которые советская власть превратила в склады? Это возможно, продукты или вещи с этих складов оккупанты вполне могли взять себе, но ничего священного там уже не было.

Все знают, что на оккупированных немцами территориях открылись снова церкви, закрытые коммунистической властью. В северную Россию, которую я наблюдала, православное духовенство приехало из Прибалтики, т. к. в самой России уже почти не было священников. Не могу сказать, сохранился ли где-нибудь во всей области хоть один священник и открытая церковь, но в Пскове не сохранилось, так что во вновь открытой церкви при кладбище и в Псковском соборе служили приехавшие из Прибалтики священники. Из собора были выкинута антирелигиозные экспонаты, в этом смысле и правда туда "ворвались", чтобы очистить от антирелигиозной мерзости, и летом там снова шли службы. Зимой было слишком холодно в большом соборе. Для этого прежде в той же оgrade детинца существовал небольшой и

отопляемый так называемый "зимний собор". Его при советской власти снесли, из его кирпичей был построен жилой дом, единственный построенный в Пскове после революции и до второй мировой войны. Немцы даже начали золотить потускневшие за годы луковицы Псковского собора, но блистающие на солнце, они оказались слишком яркой целью для самолетов, и эти работы были приостановлены военным командованием. Так и остались две луковицы заново позолоченными и три тусклыми. Так вот обстояло дело. Была прежде в Пскове даже на главной улице лютеранская церковь, построенная в готическом стиле, т. к. в Пскове жило много балтийских немцев. Ее при советской власти тоже стали разбирать на кирпичи, готические стрелки были снесены, крыша разрушена, так она и стояла печально обезглавленная. От чего-то ее не разобрали до конца, но она была уже слишком разрушена, чтобы в ней можно было снова совершать службы. Конечно, задолго до войны была закрыта и существовавшая прежде католическая церковь на окраине города при так называемом "польском кладбище". Так обстояло дело на всей оккупированной немцами территории. И хочется спросить митрополита Алексея, а как обстоит у него дело с заповедью: "Не лжесвидетельствуй?"

Лютеранская академия в Тутцинге под Мюнхеном устроила доклады по поводу тысячелетия Крещения Руси. На эти доклады был приглашен и митрополит Филарет, Киевский и Галицкий. 9 мая 1987 г. вечером в Мюнхене министр просвещения Баварии Цеетмайер устроил для участников этого съезда прием. Сам он выступил с коротким словом, где указал на известное возрождение веры в России, упомянул писателей Айтматова и Быкова. После министра выступил со словом митрополит Филарет Киевский и Галицкий. Говорил он по-русски, и его слово переводилось на немецкий. Уже первые его слова произвели тяжелое впечатление своим произношением: он говорил тем типичным функ-

ционерским произношением, которое, вероятно, не зарегистрировано ни в каких филологических учебниках, но которое чуткое ухо сразу же отличит. Так не говорят и сейчас интеллигентные люди в СССР, ни у кого из третьей волны я не слышала этого произношения, но уже Хрущев говорил им, им говорит Горбачев и другие крупные функционеры. Это специальное произношение. Его невозможно объяснить тем, у кого не бывает случая слушать по радио или телевидению советских функционеров или у кого недостаточно чуткое ухо. До второй мировой войны так еще не говорили даже функционеры; впрочем, у главного все покрывал тяжелый грузинский акцент, а Молотов вырос еще до революции и, хотя говорил тяжелым деревянским языком, но без функционерского произношения.

Произнесенные таким языком, как звучали бы слова "Господь Бог" и "Иисус Христос"? Но митрополит обошелся без них. Хочется даже сказать: слава Богу, эти слова ему совсем не к лицу. В сугубо политической речи митрополита эти великие слова звучали бы кощунством. Да и зачем они ему? Он говорил об антиатомном движении, о перестройке, "в которую церковь полностью включилась", о гласности (не поясняя, в чем она проявляется), о дружбе между СССР и ФРГ. "Они поменялись местами, — говорили иронически слушавшие немецкий перевод приглашенные на прием немцы, — министр сказал религиозную речь, а митрополит политическую." Ловкие советские пропагандисты все же, к счастью, не все понимают. Они не сообразили, что типичная советская пропаганда из уст высокого духовного лица произведет на западных людей тяжелое впечатление. Пропагандные старания представителя Московской патриархии на сей раз пропали даром. Кстати, нам стало известно, что богоборческая власть предоставляет митрополиту все земные блага, которые имеются в ее распоряжении. "И какой выкуп даст человек за душу свою?" (Мф. 16, 26).

П. МАРГУШИН

БОРЬБА ЗА ВЕРУ о. ГЛЕБА ЯКУНИНА¹

Как сообщалось в Новом Русском Слове, священник Глеб Якунин досрочно освобожден из сибирской ссылки.

Арестованный 1 ноября 1979 года, о. Глеб Якунин на основе обвинения в антисоветской агитации и пропаганде был приговорен к 5-летнему заключению и 5 годам ссылки.

В чем была его вина?

30 декабря 1976 года отец Глеб основал "Христианский комитет защиты прав верую-

щих в СССР". Вместе с о. Глебом Якуниным в этот комитет вошли иеродиакон Варсонофий, Виктор Капитанчук и Вадим Щеглов. Эти четверо повели неравную борьбу не только против гонений верующих со стороны советской власти, но и против лицемерия Московской Патриархии — "ложь и свидетельство иерархов" ее, по словам о. Глеба, заставили его бесстрашно начать борьбу за веру. После того, как в "Журнале Московской

Патриархии” появилось заявление патриарха Пимена, сделанное им в советском Комитете защиты мира, — ”Мы, религиозные люди, с глубоким удовлетворением отмечаем в проекте Конституции обеспечение гражданских прав и свобод верующих, и Русская Церковь, как и другие Церкви в нашей стране, свободно осуществляет духовное окормление своей паствы”, — о. Глеб Якунин и остальные члены Христианского комитета обратились 11 апреля 1978 года к Вселенскому патриарху Димитрию с посланием, в котором обличали советскую власть за ее гонения верующих, а московских иерархов называли ”уснувшими во лжи заявлениями о спасительности свободной Церкви в СССР”.

В дальнейших обличениях о. Глеб продолжал осуждать епископат Московской Патриархии за ”лжесвидетельские заявления о свободе и благополучии Церкви и о забвении его архипастырского долга печалования о народе, пришедшем в своих страданиях к духовной слепоте. Высшие иерархи нашей Церкви не только уклонились от защиты своих духовных чад, — констатировал он, — но и соединяют христианские упования с идеологией безбожных гонителей Церкви, совмещающая религию с коммунизмом...”.

Далее в послании ко Вселенскому православному патриарху о. Глеб выступил непосредственно против патриарха Московского — Пимена: ”Ложность заявления патриарха Пимена о свободе Церкви в СССР очевидна всякому, хотя бы немного знакомому с положением Церкви и религии в СССР, и не может не вызвать глубокого возмущения как в сердцах православной паствы, так даже и среди неверующих. Ложь давно уже стала традиционной в официальных заявлениях Московской патриархии. Но если в годы сталинского террора сторонники такой по-

литики лжи пытались оправдать ее старанием ’спасения Церкви’, то теперь это делается ради своего благополучия и ложного оправдания благополучия Церкви в лжесвидетельстве епископата и в его уклонении от выполнения своего пастьрского долга. Величайшая опасность, нависшая над Русской Православной Церковью, усугубляется еще и тем, что в условиях бесправия нередки случаи, когда епископы употребляют свою власть против открытия храмов”.

Заключая это послание, о. Глеб обратился от имени Комитета ко Вселенскому патриарху с такими словами: ”Со всей ответственностью мы свидетельствуем вселенскому православному христианству, что на древних седищах святителей московских воссели нарушители церковных канонов, в согласии с воинствующей атеистической властью. Устраивая пышные торжества, съезды и приемы с участием предстоятелей Церквей всего христианского мира, они демонстрируют всему миру благополучие Русской Церкви, убивая самое ощущение ее несвободы”.

Обращаясь ко Вселенскому патриарху с мольбой о защите и помощи верующим в Советском Союзе, о. Глеб снова и снова напоминал ему, что Московская патриархия ”уснула совестью”.

Вселенский патриарх Димитрий оставил это послание Христианского комитета без ответа.

Однако именно оно привело к аресту о. Глеба и суду над ним.

Остальные члены Христианского комитета не держались на суде с таким же мужеством, как о. Глеб, и подобно о. Дмитрию Дудко ”раскололись”, признав свою ”вину” перед советской властью, заключавшуюся в ”клевете” на Московскую Патриархию и положение верующих в СССР.

¹Перепечатка из ”Нового Русского Слова” от 26.3.87. В ”Нов. Русском Слове” 9 апр. с. г. напечатано открытое письмо Щеглова, где он делает следующие поправки к статье Маргушина: 1. В. Щеглов не был в числе основателей Христианского комитета; 2. Только о. Глеб Якунин и Виктор Капитанчук предстали перед судом, последний раскололся, другие же члены Комитета не были отступниками, о. Дудко в Комитет не входил, 3. Христианский комитет не прекратил своей деятельности. (Прим. ред.)

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

В нынешнем номере ”Голоса Зарубежья” печатается документ, недавно попавший на Запад из СССР и посвященный положению Русской Православной Церкви при Горбачеве. Мы имеем в виду небольшую работу Кирилла Головина ”Грядет день...”, появившуюся из недр самиздата в ноябре 1986 года. К. Головин немногословен, в ряде случаев предельно краток, и, пожалуй, это является, с нашей

точки зрения, одним из несомненных плюсов этой небольшой работы. Гораздо легче писать длинные теоретические трактаты, сопровождая их сетованиями по поводу отсутствия в Православной Церкви желания провести необходимые ”реформы”, чем дать краткий, деловой и даже сухой анализ происходящего на религиозном фронте в СССР. К такого рода анализу и приближается работа Головина,

не претендующая ни на "всемирное признание", ни на рекламу западного телевидения, а носящая, как нам кажется, чисто деловой, рабочий характер.

Мы несколько сомневаемся, что в СССР количество верующих исчисляется в 15% от всего населения страны. Так утверждает Головин. Мы склонны думать, что эта цифра преуменьшена, т. к. даже советские печатные источники неоднократно и сравнительно недавно называли цифру в 25% от всего населения СССР. Но одновременно мы полностью присоединяемся (если так можно выразиться) к "народной установке" Головина, отмечающего несомненный факт, что Церковь была спасена именно массой рядовых верующих, выстоявших "с Божией помощью" в том многолетнем истребительном изничтожении, перед которым бледнеют все суровейшие гонения на первохристиан". Эта народная установка, всегда отмечаемая мною, была поддержана также и покойным отцом Георгием Флоровским, тоже отмечавшим в своих работах единственный земной спасительный фактор РПЦ — народное религиозное движение сопротивления. Церковный вопрос будет решаться не властью, не диссидентами, не вообще верующим интеллигенцией, а именно только верующим народом, включая всех без исключения верующих людей.

Точно замечено автором "Грядет день...": хрущевские гонения должны были сломить нараставшее влияние Церкви. После них власть стала проводить политику разложения РПЦ изнутри с той целью, чтобы превратить ее в некоторое подобие малоприметной богадельни, где покорно-безгласный священник "обслуживает религиозные нужды" тех, кому за шестьдесят. И если прав Головин, отмечая тенденцию власти сделать Церковь музейным раритетом, отгородив ее от народа, держа ее под неусыпным контролем, чтобы не пробудились в ней новые живые силы, то далеко не прав он, напирая на шестидесятилетних. Головин делает ту же ошибку, которую делают многие, пытающиеся заниматься церковными делами и не знающие, что еще в далекие царские времена, когда никакой советской власти не было, храмы были наполнены преимущественно пожилыми людьми, с прослойкой из среднего возраста и на общем фоне — с не слишком значительным количеством молодежи и детей. Речь идет в данном случае о рядовом городском приходском храме. В деревнях дело обстояло несколько иначе. Дело здесь главным образом в религиозной психологии, а не в советской власти. Об этом, кстати сказать, забывают и наши диссиденты, высказываясь по церковным проблемам.

Номенклатура, по всей видимости, поняла, что религия способна "на выживание" и

может побеждать партийную идеологию. Данное обстоятельство повело к корректированию сложившейся церковной политики. Коррекция эта продолжается и сейчас и при Горбачеве получила некое конкретное выражение. Сейчас негласно власть разделяет верующих на две большие группы: на лояльное советское большинство и на религиозных экстремистов, "пособников и наймитов империализма". Первые являются не вполне полноценными гражданами, а вторые стали явными и опасными врагами. Схематически эти утверждения Головина являются правильными, но в недрах советского атеизма применяется несколько другая, более подробная классификация верующих.

Среди массы безрелигиозного народа отношение к Православию "в основном равнодушно-нейтральное или сочувственно-любопытное". Констатация очевидно соответствующая действительности. Но здесь снова допускается нечто, вызывающее возражение. Дело в том, что, исходя из историческо-церковного опыта, эта равнодушно-нейтральная среда при известных условиях легко превращается в среду сочувственную и активно-религиозную. О каких условиях идет речь? О многих, но в первую очередь, о свободе миссионерской деятельности. Понимаем это мы, понимает это и власть. Здесь зарыт ключ к решению данного вопроса. Нейтральное равнодушие и сочувственное любопытство — искусственный продукт политики власти в области религиозной проблемы в стране. Эта политика явно начинает преодолеваться народом. Поэтому и по многим еще другим причинам решающие бои на религиозном фронте будут идти по линии миссионерской проблемы. Для нас является также несомненным, что участие в разрешении этой проблемы в СССР должна принять и верующая часть российской эмиграции, еще окончательно не погрузившаяся в мир новейших достижений западной бытовой техники и прочих жизненных удобств, превратившихся для некоторых людей в своеобразный культ*.

Мы неоднократно в нашей зарубежной печати писали о росте национального начала, тесно связанного с пробуждающейся в СССР религиозностью. Корни этого явления лежат в русской истории и связаны со становлением российского государства, вернее с теми условиями, в которых оно создавалось. Это наше утверждение подтверждается в работе Головина, отмечающего, что "национальное начало постепенно вытесняет из разных сфер обывденного сознания космополитический и беспочвенный марксизм".

Вопреки ходячему мнению о том, что "на религиозном фронте без перемен" и мы живем в период затишья "боевых действий", бои сейчас разгораются в связи с приближаю-

щимся тысячелетним юбилеем крещения Руси. Две юбилейные комиссии как бы противостоят друг другу, хотя формально они ничем не связаны. Мы имеем в виду комиссию при Московской патриархии и комиссию при идеологическом отделе ЦК КПСС. Независимо от желаний Московской патриархии, самый факт создания этих комиссий объективно создает обстановку конфронтации. Комиссия Московской патриархии призвана работать "на юбилей", комиссия ЦК создана для работы "против юбилея". Возможен ли компромисс? Очевидно да, так как в нем заинтересованы обе стороны. Разойтись мирно без компромисса вряд ли удастся; патриархия в этом вопросе "закусила удила", а власть не хочет допустить празднование юбилея как всероссийского религиозно-национального торжества и стремится свести все в общем к незначительному чисто церковному празднику. Патриархия не может на это пойти, так как указанное означало бы нанесение удара по престижу РПЦ и ее центрального управления и никак не получило бы одобрение верующего народа.

Лица, занимающиеся религиозной проблемой в СССР, склонны были утверждать, что нападкам власти подвергаются главным образом протестанты, в частности баптисты, в то время как РПЦ она якобы почти не трогает. Головин полностью не согласен с этим положением. Отмечая, что власть за последнее десятилетие открыла 33 православных храма, он указывает, что в то же время было открыто 300 молитвенных домов баптистов. Попытки открыть новый православный храм обычно кончаются неудачей, открыть же новый молитвенный дом протестантов значительно легче. Почему? Головин отвечает на этот вопрос определенно и однозначно. Потому, пишет он, что "начиная с революции своим главным врагом атеисты считают имен-

но Православие", а баптизм используется для его подрыва и ослабления. Этот факт надо также рассматривать на фоне происходящей смены поколений. На место вымирающего поколения приходит неоднозначное число новых, молодых еще людей, церковно совершенно не подготовленных или, во всяком случае, менее подготовленных, чем их отцы; количество посещающих храмы сейчас снизилось в связи с этим, а это дает власти дополнительные козыри в ее антицерковной политике. Затрудненность катехизации вновь приходящих в Церковь создает еще дополнительные проблемы, отнюдь не улучшающие обстановку. Сегодня бросается фраза о духовном одичании страны. Это не ново и хорошо нам известно, но известно также и то, что "противоядием" против этого одичания является массив рядовых верующих, которых, по признанию представителей диктатуры, совсем еще немало в стране.

Прав Головин, когда приходит к однозначному выводу о том, что "при новом генсеке отношение власти к Православию в принципе, несмотря на проводимую коррекцию, не изменилось, только окрасилось, как и в других областях, в несколько демагогические тона. Это верно. Но неверно другое. Неверно его неверие в судьбы Православия и России и известный пессимизм, связанный с этим. Вряд ли номенклатура согласится отступить от своей антицерковной линии. Но сама обстановка, новые условия выживания, в которые сейчас вошла страна, постепенно явочным порядком будут корректировать и изменять сложившуюся ситуацию и промышленно не без воли Божией поставят РПЦ в такое положение, при котором неприглядные реальности выживания постепенно перерастут в нечто иное, постепенно создающее духовное устройство России.

*Проблема миссионерской деятельности в СССР и нашего в ней посильного участия практически разрешается в данное время. Интересующиеся этим вопросом могут обратиться в редакцию "Голоса Зарубежья".

Кирилл ГОЛОВИН

ГРЯДЕТ ДЕНЬ...

Этот материал был уже опубликован в "Русской Мысли" за 27 марта и в "Стране и Мире" №2 (38), но наша публикация — не перепечатка, т.к. мы получили этот материал до публикации его в других органах, но не могли опубликовать раньше ввиду квартального выхода в свет нашего журнала. В "Стране и Мире" №2 приложены еще очень интересные инструкции по борьбе с религией в Эфиопии, их мы прокомментируем в следующем номере.

Редакция.

Вопреки богатому уже историческому опыту, многие в советской России связывали с новым генсеком надежды на долгожданные перемены, которые бы вывели страну из

многолетнего застоя и хоть немного улучшили тяжкую повседневную жизнь. Этих людей было, правда, гораздо меньше, чем во времена приснопамятной хрущевской "оттепели", ибо

сильно упало за прошедшие десятилетия доверие к официальным обещаниям. Но безмерна людская надежда, и относительно молодой и с виду энергичный руководитель, казалось, был готов на насущные реформы, без которых великая держава медленно и неотвратно сползает к отсталости и отчаянию. Прошло всего три-четыре месяца, и стало ясно, что граждан ничего не ждет, кроме пустой риторики, знакомой демагогии и новых лозунгов, приправленных забытыми после ХРУЩЕВА псевдодемократическими жеманами. Лишь Запад, как не раз бывало в прошлом, все еще тешит себя иллюзиями, будто тоталитарный строй способен к добровольным и решительным переменам, забывая, что они для него страшны и нежелательны, ибо в конечном итоге подрывают власть правящей элиты.

Придаваясь сладким, но несбывшимся мечтам, мало кто следил за тем, изменилось ли в лучшую сторону отношение советской власти к миллионам православных накануне приближающегося великого праздника — тысячелетия крещения. Современному секулярному и политизированному сознанию эта проблема представляется крайне маловажной по сравнению с перемещениями в партаппарате и бюрократическим подновлением громоздкой машины управления. Гораздо больше премудрого советолога интересует назначение второго секретаря Мордовии и Тувы, чем действия госатеизма с целью умалить и омрачить грядущее торжество. Что значит для него всего 15% верующих русских, украинцев и белорусов, большинство которых к тому же пожилые женщины, рядом с ретивой 15-миллионной партийной массой, от коей, похоже, зависит судьба планеты? В расчет эти верующие принимаются только как дополнительная сила, несмотря на то, что именно они выстояли, с Божьей помощью, в том многолетнем истребительном изничтожении, перед которым бледнеют все суровейшие гонения на первохристиан.

Атеистическая власть, сокровенной и главной сутью которой по-прежнему остается богоборчество, после хрущевских гонений, которые должны были сломить нараставшее влияние Церкви, стала настойчиво изводить и разлагать ее изнутри, дабы превратить в конце концов в некое подобие малоприметной богадельни, где покорно-безгласный священник "обслуживает религиозные нужды" тех, кому за шестьдесят. Отгородить Церковь от большинства народа, сделать ее чисто музейным раритетом и держать под неусыпным контролем, чтобы не пробудились в ней новые живые силы, — такую задачу ставили перед собой госатеисты в брежневскую эпоху, эпоху наивысшего расцвета партократии. Если выдавалась возможность, храмы закрывали,

но втихую, без шума, новых же не открывали, даже если — как было в Горьком — верующие жаловались в ООН¹. Безбожная пропаганда велась как-то вяло, механически, но в программы вузов и школ был в эти годы введен атеизм. Кто сидел тихо и веру свою держал при себе, не преследовался, зато ревностных христиан методически чернили, притесняли и сажали. Наряду с правозащитниками и националистами, этих христиан КГБ причислило к реальным или потенциальным противникам режима и создало для наблюдения за ними особый подотдел.

Но именно в эти годы кажущейся стабильности среди интеллигенции началось "религиозное пробуждение", которое, несмотря на свои ограниченные размеры и противоречивый характер, довольно сильно обеспокоило функционеров, так как развивалось одновременно с правозащитным движением, смыкаясь порой с ним, и параллельно с польскими событиями, которые в условиях т. н. социализма наиболее убедительно показали влияние христианства и Церкви, могущее не только соперничать, но и побеждать партийную идеологию, несмотря на ее внешнюю силу. Аппаратчиков все это заставило не пересмотреть сложившуюся политику в отношении Православной Церкви (она эффективна, потому что жестока, да и зачем отступать без нужды), но несколько скорректировать ее в сторону большей гибкости и формального разнообразия. Коррекция началась недавно и, похоже, еще не закончилась.

Хотя главный принцип этой политики, основанный по-прежнему на откровенных словах ЛЕНИНА "всякая идея о всяком боженьке... есть невыразимейшая мерзость"², остался, разумеется, неизменным, он обогатился некоторыми "современными" нюансами. Православных, например, четко поделили на лояльное советское большинство и на немногих "религиозных экстремистов, пособников и наймитов империализма". К лояльным верующим следует, по возможности, относиться мягко, но без уступок, вежливо, но без послаблений, помня, что граждане они — подозрительные и неполноценные, а к "экстремистам" — как (к) явным и опасным врагам, которых необходимо всячески выявлять и немедленно изолировать. Граница между обеими категориями проводится очень условно: в столице она одна, в провинции другая, более злобная и произвольная. Если, например, в Тамбове появление нового мужчины в храме — ЧП для органов, то в столицах их беспокойство вызывает лишь долгоживущий православный кружок и влиятельный активист. По этой причине сейчас в провинции возможен исключительно молитвенный (порой великий) подвиг, тогда как общественно-религиозная деятельность (в оп-

ределенных, конечно, границах) может осуществляться только в немногих крупных центрах.

Упомянутая коррекция, как ни странно, была отчасти вызвана заметным переломом в настроениях атеистической массы. Длительное и упорное насаждение безбожия привело к парадоксально неожиданному результату: многие формальные "атеисты", опомнившись и истосковавшись, стали относиться к вере своих предков с наивной трогательностью и почти романтическим трепетом, испытывая, возможно, неосознанное чувство раскаяния и преклонения перед Всевышним. Эти настроения не сопровождалось (большой частью) обращением, но создавали для него нужный и благоприятный фон. В безрелигиозном простонародье, которое и лба-то не умеет перекрестить, (почти) не встретишь прежнего оголтелого атеиста, и отношение к Православии в основном равнодушно-нейтральное или сочувственно-любопытное. Если кто вдруг осмелится глумливо заговорить о нем, то наткнется не на поддержку, а на явное или молчаливое осуждение присутствующих. Происходит медленное отрезвление тех, кто раньше своим равнодушием или злобой позволял открыто и нахально атеистам-активистам топтать вековые ценности.

Хотя еще сиротливо стоят заброшенные и полуразрушенные храмы в селах и городах, попробуйте их сломать сейчас — отпор или недовольство будут неизбежны. Возродившийся в народе патриотический и национальный дух (оскорбительно прозванный русофобами "шовинизмом"), который как бы исподволь возвысил Православие, теперь особенно ошутим в отношении к памятникам старины, среди коих церкви занимают самое видное место. При СТАЛИНЕ без всяких колебаний и угрызений совести снесли среди прочих храм Христа Спасителя в Москве, великий народный памятник войне с НАПОЛЕОНОМ, и даже покушались на всемирное чудо — церковь Василия Блаженного. Если бы сейчас попытались взорвать храм Спасителя, то не исключено, что это привело бы к стихийным митингам, как случилось осенью 1968 г., когда в опасности оказался дом поэта ДЕЛЬВИГА в Ленинграде.³ Да и подобная мысль вряд ли кому-либо пришла бы в голову. Хотя общественное сознание, освобождаясь от долгого антицерковного дурмана, еще довольно далеко от мысли не просто сохранять церкви, но открывать их для богослужения, оно, несомненно, развивается в благоприятном для Православия направлении, так как постепенно постигает, что значили и значат его ценности и традиции для всей нации и ее будущего.

Для усиления интереса к этим духовным ценностям немало сделала, сама того не

желая, послесталинская официальная культура. Очень живописно и привлекательно показываются в фильмах и телепередачах отдельные православные обряды; рассказы "деревенщиков" — и не их одних — полны ностальгии по отживающим национально-православным традициям; по-прежнему с невиданной жадностью собираются образа и церковная утварь; нарасхват раскупаются дорогие альбомы о древнерусской архитектуре и иконах; все чаще звучит в концертах русская духовная музыка. Несмотря на сопротивление, национальное начало постепенно вытесняет из разных сфер обыденного сознания космополитический и беспочвенный марксизм, хотя он и оставляет в нем свои грязные отметины. Когда-то тысячелетней культуре хотели привить однобокое пролетарское искусство и надуманный соцреализм, но из этого в конце концов мало что получилось. Ныне атеистами делается обреченная тоже на неудачу и нелепая попытка внушить, будто все эти соборы, сказания и иконы, а также светское искусство создал не проникнутый православной верой народ, а некое языческое по природе и сути аморфное сообщество.

Записные госатеисты давно пытаются бороться с этим все усиливающимся процессом самосознания. В июле этого года на внедрившуюся "крамолу" замахнулся в "Комсомольской правде" дубиной доктор философии КРЫВЕЛЕВ, отчитав за фидеизм РАСПУТИНА, АСТАФЬЕВА и АЙТМАТОВА⁴. Нетрудно представить, к каким последствиям еще 30 лет назад привел бы этот истошный окрик, а сейчас он лишь подогрел интерес читателей. Другие газеты не перепечатали этот материал и не начали обличительную травлю. Сейчас вряд ли подобные зуботычины вынуты кого-то даже на самокритику, как еще недавно было с СОЛЛОУХИНЫМ после выступления журнала "Коммунист"⁵. Угас в госатеизме боевой задор, вымерли твердые кадры, нет в нем былого напора, силы и влияния, и даже простодушный интеллигент-невер косится на него брезгливо-досадливо. Однако не забудем, что он по-прежнему остается важнейшей и **краеугольной** частью господствующей идеологии и потому мобилизует небольшие резервы, готовясь к юбилею крещения.

Как известно, в стране для празднования тысячелетия были образованы две комиссии: при патриархии и идеологическом отделе ЦК. Первая — для торжеств, вторая — для их всемерного умаления и ограничения. На подмогу привлечены созданные при райкомах и главных идеологических учреждениях т. н. комиссии по контрпропаганде, одна из основных задач которых — борьба с религией в местном масштабе. Раз они существуют, то должны что-то делать. И делают — с натугой и без задора, так сказать, по долгу бюрокра-

тической "совести". Весной 1986 года по первому каналу Центрального телевидения начал передаваться ежемесячный журнал "Религия и общество"⁶ (хотели, видимо, назвать "и наука", но почему-то постеснялись), который, с одной стороны, "опровергает" западные сообщения об угнетенном положении веры в стране (к сожалению, с помощью прикормленного клира), с другой — создает среди обывателей представление, будто Церковь — это чисто политическая организация, реакционная на Западе, но в СССР бесполезная в "миротворческой" деятельности, т. е. для подрыва западной воли в противостоянии коммунизму.

К юбилею усилился выпуск атеистических брошюр и книжонки для массовых библиотек. По-прежнему выходит в издательстве "Мысль" серия "Научно-атеистическая библиотека", представляющая "классиков" или "союзников" атеизма. В Ленинграде, отняв бумагу у доходной краеведческой литературы, создали атеистическую редакцию,⁷ главный автор которой Н. С. ГОРДИЕНКО⁸ печатается тиражами бестселлеров. В том же городе изобрели и более утонченную пакость. В Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в мае 1986 года втихомолку, всего за несколько дней, была проведена "блестящая операция" — из каталога журнального зала вынуты все карточки с названиями духовных журналов, будто они и не выходили никогда! Библию уже давно везде выдают лишь после долгих препирательств и объяснений, хотя еще не решились передать ее в спецхран.

Готовится, говорят, следующий шаг: выдавать духовную литературу лишь по отношениям учреждений с указанием темы (естественно, атеистической). Если по работе нужно — читай, а без того — зачем тебе блаженный АВГУСТИН или ФЕОФАН ЗАТВОРНИК? И это в стране, гордящейся (по праву ли?) числом читающих! Запрет — не случаен, ибо в пору религиозного пробуждения последних лет резко увеличилась в библиотеках выдача духовных книг, которые прежде спокойно пылились на полках. Сразу напомним, что эти книги сохранились только в двух-трех десятках крупнейших книгохранилищ, в остальных же давно уничтожены. Но попробуйте, скажем, в пермской или иркутской библиотеке взять классическую "Историю Русской Церкви" ГОЛУБИНСКОГО. Один раз ее, пожалуй, выдадут без разговоров, но выпишите повторно — и непременно услышите подозрительные вопросы: зачем и для чего? Со святоотеческими творениями лучше не рисковать, попадете в категорию "религиозников", которыми занимаются бездельники из местного КГБ.

"Мелочи!" — воскликнут опровергатели и напомнят о Даниловом монастыре в Москве,

некогда отобранном, опоганенном, "милостиво" возвращенном и срочно к юбилею восстанавливаемом, дабы увидели иноземные гости, как благоговейно чтит советская власть Православие и его святых. Вспомнит ли кто при этом, что знаменитая лавра в Киеве, на месте крещения, где в 1888 торжественно праздновался предшествующий юбилей, глумливо обращена в атеистический музей? Вспомнит ли кто, что другая лавра — св. Александра Невского в бывшей столице России — тоже в руках атеистов, за исключением Троицкого собора, перед которым до сих пор красуются пятиконечные звезды на могилах т. н. "коммунистической площадки"? А разве Троице-Сергиева лавра в Загорске полностью принадлежит Церкви?⁹

Кроме нее да новоучрежденного Данилова монастыря, на территории РСФСР в границах 1939 года нет ни одной обители, ни мужской, ни женской. В последнее время появились слухи, что Псково-Печерскому монастырю передадут на Соловецких островах б. Анзерский скит, где начиная с 1920-х гг. были замучены сотни людей, в том числе священники. Но кто без особого разрешения сможет попасть на этот заповедный и к тому же в погранзоне находящийся остров? Вероятно, поэтому и возвращают этот скит, а не Валаам или Оптину пустынь, хотя они все больше разрушаются. И вряд ли к юбилею вернут еще один прежний монастырь, расположенный даже в самой бездорожной северной глуши.

Во время празднования этого юбилея пропагандисты не преминут, очевидно, упомянуть, сколько открыто православных церквей и молитвенных домов за последние годы (с 1977 — 33), естественно, "забыв" сказать, сколько их одновременно закрыто. Не секрет, что местные власти, особенно в провинции, используют **любую** подходящую возможность, чтобы утеснить или "ликвидировать" ненавистное им "место культа". Для открытия же нового храма нужны, как правило, исключительные локальные или политические обстоятельства.

В Брежнев (Набережные Челны) это удалось сделать только после шумной огласки на Западе, да и то молитвенный дом отвели в десятке километров от самого города¹⁰. Жители Зеленограда (Крюкова), крупного подмосковного научного центра, давно просят еще об одной церкви, ибо в действующей тесно, но их и слушать не хотят. Белоснежный храм в Зеленогорске под Ленинградом наконец-то восстановили, ибо он стоит на трассе, по которой в страну прибывают многие тысячи туристов. Казалось бы, находка для пропаганды — действующий храм, видный из окна заграничной машины. Да вот загвоздка — негде, оказывается, кроме этой церкви, приютиться архинужному музею курортной

зоны! Музей необходим и в восстановленной церкви в Петергофе, православным которого тоже приходится проделывать долгий путь, чтобы помолиться. И это в местах, где есть старые заброшенные храмы! А чтобы выстроить новый в одном из выросших в советское время городов — об этом заикнуться даже страшно. Атеистическая власть не идет пока ни на какие послабления в данном важном вопросе, и вряд ли следует к юбилею ожидать от нее каких-то "милостей".

Где же все-таки открываются храмы? Вдоль китайской границы, где требуется сохранить русское присутствие и не озлоблять население; в бывшей Пруссии, где до сих пор — хотя немцев давно нет — не было ни одной православной церкви; в некоторых станицах и глухих селах, где после долгих хлопот открывают изредка снова церкви, закрытые при ХРУЩЕВЕ. Но что значат эти новые 33 храма по сравнению с почти 10000 закрытыми в те времена! Некоторые из них за истекшие годы так обветшали, что находятся в аварийном состоянии, что вполне на руку атеистам. Два года назад на Украине было велено снести несколько сот таких "обветшалых" церквей.

Если большинство попыток открыть православную церковь кончается неудачей, то иначе обстоит дело с молитвенными домами баптистов. С того же 1977 года их открыто 300, т. е. в девять раз больше! И это не потому, что народ в массе своей отвернулся от родного Православия, а потому, что начиная с революции своим главным врагом атеисты считают именно Православие (это видно по числу публикаций против него) и баптизм используют для его подрыва. По этой причине ошибочно утверждение, будто у кремлевских вождей Православие находится в какой-то особой чести. Внешне это так, да и то лишь потому, что большинство верующих русских — православные. Изменится пропорция — и патриарх будет жить не в Москве, а в Коломне, не в хоромах, а в скромном домишке.

Положение самой Православной Церкви не столь радужно, как его порой видят заезжие гости, попавшие на благолепную службу в переполненный столичный храм. По словам самих священников, народу по сравнению с предыдущим десятилетием в храмах поубавилось из-за происходящей смены поколений. На место вымирающего поколения приходит сформировавшееся в 1930-е гг., когда не то что жить по-христиански, но и произносить имя Христово было крайне опасно из-за разгула самого оголтелого атеизма. Это атеистическое воздействие, несомненно, сказывается на уменьшении числа нынешних прихожан. Главное, однако, состоит в другом — новое поколение слабее предыдущих связа-

но с дореволюционной традицией, которая так укрепила Церковь во время ее возрождения в послевоенные годы. Сейчас в храмы приходят не только совершенно религиозно невежественные люди, но и пропитанные советскими понятиями и предрассудками настолько, что нуждаются в совершенно особой катехизации. Храм их влечет, но себя они чувствуют в нем не дома, а в гостях и оттого заботятся о нем с меньшей любовью.

Большую тревогу вызывает и продолжающееся оскудение — особенно в северной и средней части европейской России — русской деревни, где всегда крепче города держались христианских обычаев. Умалается, к сожалению, не только деревенское население, но и его вера. В псковской деревне, где было около 50 дворов, я насчитал за всю ночь всего 10—12 человек, в воскресенье к ним прибавилось еще 8—9. Так как пьянство и связанное с ним духовное одичание особенно сильно ударило по деревне, то в сегодняшнем деревенском храме крайне редко увидишь мужчину: зачастую это местный юродивый, приезжий или забитый дед. Чтобы церкви не закрывали, сельскому батюшке приходится довольно часто служить в нескольких местах. Удаленные от городов приходы — страшно бедны, и батюшки живут в них, едва подчас сводя концы с концами. Порой даже крышу на храме не удается залатать без архиерейского вспоможения. Диву даешься, откуда среди обывателей все еще ходят легенды о сыто-беззаботной поповской жизни.

С отливом населения из деревень Православие в самой России — так некогда было в позднем Риме — постепенно превращается в преимущественно городскую религию с некоторыми специфическими особенностями. Многие священники, скажем, Курской, Рязанской или Калининской областей живут даже не в областных центрах, а в самой Москве, выезжая из нее только на свою череду. Легко представить, как такой "командированный" батюшка связан со своей паствой и как печется о ней. Начал, увы, исчезать тип сельского пастыря, живущего с народом и в народе, на смену ему приходит горожанин, видящий в деревне место ссылки или временную остановку. Народ это хорошо чувствует и отвечает отчуждением.

Откровенно говоря, несладко жить в советской деревне: уполномоченный больше допекает, власти в основном настроены враждебно, народ вне храма держится пугливо. Батюшка волей-неволей замыкается в храме и дома, общается в основном с клириками и безропотно сносит выходки начальствующих самодуров. Живет он в постоянном напряжении: только бы не поспориться с двадцаткой, которая после злополучной приходской реформы обрела над ним зловещую власть¹¹.

Чтобы народ не привыкал к своему священнику, епархиальное начальство каждые три-четыре года перебрасывает его на другое место и одергивает, если он начинает много и — упаси Боже — хорошо проповедовать.

Все последние годы Церковь душили прежде всего ее собственными руками. Что архиереи назначаются по согласованию с атеистическим Комитетом по делам Церкви¹², стало считаться нормой, но теперь уполномоченный следит даже за тем, чтобы и в число семинаристов не попали интеллигенты, могущие просто своими хорошими знаниями укрепить Церковь. Партократии нужна не только покорная, но и невежественная Церковь, отчего обучение будущих священников обременяется не очень нужными им предметами и отсутствуют любые формы повышения их квалификации. Церковь противится этому, но, увы, без твердости и решительности.

Опираясь на растущий авторитет Православия в общественном сознании, Церковь могла бы действовать гораздо смелее в преддверии юбилея, ибо атеисты вряд ли осмелятся воздвигнуть на нее сейчас новое гонение. Нельзя сказать, что она спит и лишь угодливо подчиняется требованиям атеистов, как обычно утверждают многочисленные ее критики. Если бы это было так, то зачем власти неусыпно следят, контролируют и опекают Церковь? Несмотря ни на что, Христово установление остается инородным телом в социалистическом государстве, и суть церковной деятельности идет вразрез с главными идеями этого государства. Вопреки сильнейшей и подчас трагической зависимости от государства, иерархия делает немало для укрепления самой Церкви: почти всем священникам дано соответствующее образование; от закрытия храмы отстаиваются елико возможно; некоторые архиереи безбоязненно рукополагают и привлекают на помощь новую православную интеллигенцию. Конечно, хотелось бы большей активности, но для этого необходимы поддержка и давление "снизу".

Как уже говорилось, атеисты в наши дни действуют в основном бюрократически: то почему-то запретят кресты на новых кладбищах, то открывают Дом атеизма, куда никто не ходит, то в местном Дворце пионеров организуют среди школьников нелепый экзамен "Эрудит — молодой атеист", то велют вырвать из напечатанного в ГДР календаря изображение причастия в ярославской церкви. В оставшиеся до юбилея годы в школах, вузах и учреждениях, несомненно, больше станет атеистических лекций, рассчитанных прежде всего на "профилактику" в образованном слое. Но кто, встретившись с Богом или искренне стремясь к Нему, будет слушать эти пустые слова? А таких людей все больше среди интеллигенции, ибо продолжается мед-

ленное ее выздоровление от безбожного умопомрачения.

Не стоит, однако, обольщаться, будто у атеизма в России выпали зубы и он сделался добродушно-кротким. Этого не произойдет до тех пор, пока безбожие будет идейной основой строя, который должен будет радикально измениться, если откажется от этой основы. Учитывая поворот в общественном сознании и особенно — давление извне, нынешние атеисты используют в основном испытанный метод кнута и пряника. В феврале 1986 года без всякого покаяния был освобожден из заключения ленинградец ПОРЕШ¹³, один из основателей религиозных семинаров молодежи, а вскоре ОГОРОДНИКОВУ¹⁴, другому основателю, прибавили срок. Выпустили из заточения поэтессу РАТУШИН-СКУЮ¹⁵, а чуть погодя на три года осудили киевского библиотекаря ПРОЦЕНКО¹⁶. Узаконив соответствующую практику, дали юридические послабления Церкви, но тут же в "хранении оружия" обвинили о. ИОСИФА, престарелого священника из глухого погоста Новгородской области.

Сопоставляя эти факты, можно прийти к однозначному выводу, что и при новом генсеке отношении власти к Православию в принципе, несмотря на проводимую коррекцию, не изменилось, только окрасилось, как и в других областях, в несколько демагогические тона. По рассказам, ГОРБАЧЕВ на одном из кремлевских приемов предложил Православной Церкви помочь партии поднять нравственный уровень народа. Будь это желание искренним, то почему не позволить открыть для этого больше храмов и возродить существовавшее до революции Общество трезвости? Но нет! Партократия по-прежнему держится за атеистическую догму и прежние формы обращения с религией.

Поэтому наивной кажется распространенная в некоторых национал-большевистских кругах иллюзия, будто у коммунистов нет иного выхода, как окончательно примириться с Церковью и, заключив с ней "конкордат", предоставить большую свободу в жизни общества. Добровольно коммунисты не уступят ни пяди своей власти над умами, но она при дальнейшем разложении главной их идеи будет незаметным образом ускользать от них, и тогда возникнет дилемма: возвращать ли эту власть силой или легализовать новое положение, оставив за собой только общий контроль над ним?

Однако предоставим рассуждать об этом присяжным советологам и подумаем о том, как самим подготовиться к славному празднику. Каждый православный может что-то сделать для него по мере дарованных Богом способностей. Кто наставит в вере ближнего, кто поможет немощным или утешит несчаст-

ного, кто явит пример для других своей христианской жизнью и добродетелями, кто пером или устным свидетельством окажет поддержку родному Православию. И все мы можем проявить свою верность и благодарность Господу, Который не оставляет ни нас, ни Церковь без помощи и надежды, прежде всего в смиренной и искренней молитве дома и в храме.

Не в пышном имперском блеске, как предыдущий юбилей, встречает Русская Церковь тысячелетие крещения, а в очистительном для нее "вавилонском пленении", наполненном не одними скорбями, но и великой славой сонма новомучеников и исповедников. Какая еще Церковь в нашем веке столько

претерпела за Христа? Какой еще народ в долгих и мрачных условиях страшного лихолетья явил такую преданность Спасителю? Но каждый православный будет встречать грядущий юбилей не в горделивом сознании этого подвига и не с чувством напыщенного триумфализма, а со смиренной мольбой — простить многострадальную родину за прегрешения, навлекшие праведный Божий гнев, и по благодати Своей даровать ей окончательное исцеление от тяжкого недуга, истощающего силы народа. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных, и не оставь милостью Твоею!

Ноябрь 1986.

¹См., например, письмо православных г.Горького Генеральному секретарю Всемирного совета церквей Юджину Блейку от сент. 1968 ("Вестник РСХД", 1969, №93:107–110); в ООН была отправлена копия этого письма вместе с сопроводит. письмом Генеральному секретарю ООН У Тану от 4.11.68 (там же, с. 110–111).

²Из письма к А.М.Горькому от 13 или 14.11.1913 (ПСС, т. 48:226).

³19.10.86 перед домом, в котором жил Антон Антонович Дельви́г (Загородный проспект, д. 1), состоялся митинг протеста против решения соорудить на месте "дома Дельвига" станцию метро. В результате снос дома приостановлен (об этом см., напр., ст. Л.Сидоровского "Дом на Загородном" в газ. "Изв.", 23.10.86).

⁴И.Крывелев, "Кокетничая с боженкой" ("Комс. пр.", 30.7.86).

⁵В разделе "Почта журнала: июль-декабрь 1981 года" ("Коммунист", 1982, №2:127) опубликованы выдержки из писем читателей с критикой заметок В.Солоухина "Камешки на ладони" (опубликованных в журн. "Наш современник", 1981, №3:30–47). Напр., чл.-кор. АН СССР М.Руткевич писал, что в заметках Солоухина проявилось "заигрывание с боженкой". В письме, опубликованном в разделе "После выступлений "Коммуниста" (там же, 1982, №8:128) секретарь парткома Моск. писательской орг-ции СП РСФСР В.Кочетков сообщал, что "письмо читателя Руткевича обсуждалось на заседании парт. бюро творческого объединения моск. поэтов. Коммунисты признали критику справедливой... Писатель Вл.Солоухин... заверил... что он в дальнейшем постарается не допускать таких неточностей, которые дают повод для кривотолков. Он заверил... что был и остался убежденным атеистом, никогда богостроительством не занимался и сожалеет, что небрежная фраза дала повод для... замечания".

⁶Точнее: "Религия и политика".

⁷Ср.: "Лениздат... В последние годы оно увеличило выпуск литературы, посвященной вопросам парт. стр-ва и антирелигиозной пропаганды, для чего были созданы соответствующие редакции" (Н.П.Лавров, "Книжный мир Ленинграда", Л-д, 1985, с.15).

⁸Николай Семенович Гордиенко; его кн. "Атеизм и религия в современной борьбе идей. Критика клерикального антикоммунизма" (Л-д, Лениздат, 1982) издана тиражом 70000 экз.; "Крещение Руси": факты против легенд и мифов. Poleмические заметки" (Л-д, Лениздат, 1984, тираж 75000 экз.) в 1986 переиздана тиражом 200000 экз.

⁹В интервью, опубликованном под названием "В преддверии 1000-летия" в газ. "Голос Родины", 1987, №8:13, управляющий делами Моск. Патриархии, 1-й зам. пред. юбилейной к-сии Священного Синода Митрополит Одесский и Херсонский Сергей заявил: "Как подарок к 1000-летию Крещения Руси следует расценивать безвозмездную передачу Моск. Духовной Академии примыкающего к Троице-Сергиевой Лавре обширного корпуса, где в наст. время располагаются Загорская гор. б-ца, типография и некоторые другие гос. учреждения".

¹⁰Обращения верующих г.Набережные Челны с просьбой об открытии храма (сент. 1979–февр. 1980) — АС №№5038–5040.

¹¹В апр. 1961 Совет по делам РПЦ известил Священный Синод РПЦ "о том, что СМ СССР вновь обратил внимание на многочисленные случаи нарушений со стороны духовенства советского законодательства о культах и указал на необходимость внести... порядок в жизнь приходов... в вопросе восстановления прав исполнит. органов церковных общин (т.е. "двадцатки" — ред. АС) в части финансово-хозяйственной деятельности" ("Деяния Архиерейского Собора РПЦ" — ЖМП, 1961, №8:6); в результате 18.4.61 Священный Синод принял "журнальное постановление", вменяющее в обязанность настоятелям прихода "всецело сосредоточить свои заботы на духовно-руководстве приходом и на богослужбейной стороне, с освобождением их от участия в хозяйственно-финансовой деятельности общины", и возлагающее эту деятельность "только на исполнит. орган верующих" (там же). 18.7.61 Архиерейский Собор РПЦ утвердил постановление Священного Синода от 18.4.61 и внес соответствующие изменения в раздел IV ("Приходы")

”Положения об управлении РПЦ” (там же, с. 15–17). Неофициальное ”Описание Архиерейского собора 1961 г.” — АС №701.

¹²Т.е. ”Совет по делам религий...”

¹³Владимир Пореш (более подробно о нем и обстоятельствах его освобождения 22.2.86 см. АС №5773:2, сн. 2).

¹⁴Александр Огородников; приговор Чусовского горнарсуда Перм. обл. от 3.4.86 — АС №5743; срок — 3 года ИТК стр. реж. по ст. 188-3 ч. 2 УК РСФСР, 14.2.87 Огородников освобожден (АП, АФП, 24.2.87).

¹⁵Ирина Ратушинская, освобождена 9.10.86 (Рейтер, 10.10.86); 18.12.86 выехала из СССР.

¹⁶Павел Проценко, осужден Киевским облсудом 19.11.86 по ст. 187-1 УК УССР (АС №5879). 12.12.86 на кассационном заседании суд отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение (”Вести из СССР”, 1986, №24:6); 4.2.87 освобожден под подписку о невыезде (там же, 1987, №4:7).

Д. ШТУРМАН

ВЕРА В МАГИЮ ЛОЗУНГА

Лозунги иногда оказываются всемогущими. Когда они вовремя брошены в вышедшую из равновесия массу и призывают к разгрому, к разрушению, к уничтожению, они могут сработать с чудовищной силой. Недаром в народе возникла поговорка: ”Ломать — не строить: ума не надо”. Но созидать, совершенствовать, строить с помощью одних только лозунгов, не меняя фундаментальных устоев жизни людей, если сами эти устои противостоят морали и здравому смыслу, невозможно. Провалился ленинско-сталинский лозунг — ”догнать и перегнать капиталистический мир”. Провалился хрущевский план двадцатилетнего ”построения материально-технической базы коммунизма”. Провалилась брежневская ”продовольственная программа”. Нынешний генсек начал свою внутреннюю политику с объявления войны разрушающему советских людей и их потомство пандемическому алкоголизму, охватившему все общество. Лозунг был дан и занял одно из ведущих мест в продукции средств массовой информации всех жанров. Более того, сделаны были и кое-какие практические шаги: сокращен выпуск крепких напитков, ограничены часы продажи спиртного, скачкообразно повышены цены на спирто-водочные изделия. Чем ответило на это общество? 11 марта в газете ”Известия” было помещено интервью с министром внутренних дел СССР А. В. Власовым. Название этого интервью уже само по себе является лозунгом, причем не столько вдохновляющим или грозным, сколько паническим: ”Остановите самогонщика!”

Содержание интервью показывает, что остановить самогонщика не удастся. Моральные доводы, пропитавшие всю государственную пропаганду, на него не действуют, а деятельность его разлилась так широко, что остановить ее репрессивными мерами может только террор похлеще сталинского, что сейчас по ряду причин нереально.

Вот несколько данных, приведенных министром:

”Если в недавнем прошлом самогон был

типично сельским ’криминальным параметром’, то теперь около 40 процентов его ’проявлений’ отмечается в городах...

Кто он, сегодняшний самогонщик? По нашим данным, это рабочие и служащие городских и сельских предприятий — 50 процентов, колхозники — 15. Среди самогонщиков — 61 процент женщин (прискорбно, что матери, жены втягиваются в губительный процесс спаивания, отравления своих близких!). Замечу, что изготовитель и потребитель самогона помолодели: 52 процента осужденных имеют возраст до 29 лет, и только 20 процентов — пенсионеры. Среди привлеченных к уголовной ответственности в прошлом году около 10 тысяч — лица с высшим и средним специальным образованием, коммунистов и комсомольцев среди них — 4,7 тысячи...”

Это среди пойманных, а среди непойманных? Об этом министр судить не может. Заметим: нереально мал процент колхозников среди самогонщиков. В селах гонят сивуху почти все семьи. В 1958 году, в престольный праздник, когда все наше село, включая актив и коммунистов, лежало к вечеру вповал пьяным, мы, группа немногих трезвых учителей, поинтересовались в сельмаге, сколько продано водки. Оказалось, что четыре бутылки: все село и его многочисленных гостей из окрестных сел уложил самогон.

Матери и жены ”втягиваются в губительный процесс”, во-первых, потому, что командуют в семьях пьяниц мужчины, а во-вторых, потому, что государственные цены на водку являются в полном смысле этого слова грабительскими. Литр самогонки из сахара обходится семье в 2-2,5 рубля, а цену на поллитра водки догнали до десяти рублей при фабричной себестоимости получаемого из угля или природного газа литра спирта — 18 копеек. Пьющие будут пить в любом случае, и женщины стремятся уменьшить расходы на алкоголь.

Добавим, что интеллигенция в городе производит спирт, очищенный от сивушных масел, давно освоив эту нехитрую технологию.

Несмотря на астрономические отчетные цифры изъятых и добровольно сданных самогонных аппаратов, самогонварение не только не сокращается, но приобретает промышленный характер. Министр подводит некоторые итоги:

”Замечу, что злостный самогонщик быстро перестроился (Вот где, значит-таки, произошла перестройка! — Д. Ш.), уходит, как говорится, в глубокое подполье, осваивает новую технологию. В Винницкой области в селе Гришенцы милицией изобличен В. Поступайло, который в чаще леса устроил винокурню с вышкой, чтобы в бинокль вести наблюдение за подступами... В Хойнинском районе Гомельской области выявлен пункт производства сивухи коллективного пользования, который обслуживали в порядке очередности многие семьи...”

Все это начинает, на наш взгляд, напоминать обстановку времен ”сухого закона” в США.

Министр возлагает свои основные надежды на участковых инспекторов милиции, но ведь и они тоже люди, и самогонщики откупаются от них самогоном.

Перечисляя меры по борьбе с пьянством и самогонварением, министр говорит ”о лишении виновных в алкогольных нарушениях премий, вознаграждений по итогам годовой работы предприятий, льготных путевок, перенесения очередности на получение жилой площади”.

Заметим, что это удары прежде всего по семьям, которые и так тяжело страдают от пьянства отцов и мужей.

Есть все основания опасаться, что лозунг ”Остановить самогонщика!” разделит судьбу всех созидательных (но не разрушительных и завоевательных) лозунгов коммунистов: постепенно сойдет с повестки дня и будет заменен другим невыполнимым призывом. А самогонщики будут делать свое.

РЕЦЕНЗИИ

Р. ЛЕВИНЗОН. ”ОТСУТСТВИЕ ОСЕНИ”. (Иерусалим, 1985)

В наше время так много приходится читать плохих стихов, и часто претенциозных, что даже маленький сборник хороших, и притом проникнутых чувством скромности, доставляет искреннее удовольствие. А именно такими словами хочется охарактеризовать книжку Рины Левинзон, третью ее стихов. Почти все стихотворения — коротенькие, в две—три строфы.

Одно из постоянно возвращающихся настроений автора — тоска по родине, ярко выраженная ностальгия перенесенной на юг северянки:

Мы выросли под лепетанье снега —
Засыпан двор и занесен забор.

И все валило — с неба, с неба, с неба,

С утра до ночи, с ночи до сих пор.

Или, в другом стихотворении:

Ночные сугробы,
Снег валом валит,

И все ничего бы,

Да сердце болит.

Тема снега вообще часто всплывает под ее пером (и недаром одна из двух ее предшествовавших книг называлась ”Снег в Иерусалиме”). Например:

Метет метель, и различить нельзя
За нею ни границы, ни предела.

Да и помимо снега, в ее пейзажах доминирует зима:

Трамвайный дальний перезвон,
Морозом залиты оконца,
Как будто конь мой снаряжен,
И бубенцы, и колокольца...

Однако не только о природе тоскует поэтесса; не менее и о людях:

Но твержу как молитву и здесь...

Имена моих русских подруг.

Но, конечно, мы вполне понимаем причины, почему теперь на родине жить невозможно и почему все, кто может, оттуда бежит. Позволим себе, в виде исключения, привести отрывок из другой, прежней книги Рины Левинзон, ”Два портрета”:

Мне снится иногда погоня —

Не убежать и не спастись,

Собаки, сапоги, погоны

Мою перечеркнули жизнь.

И потому мы можем вполне разделить восклицание в другом месте:

Мы просто оба живы, я и ты,

И слава Богу, милый, слава Богу!

В предисловии к ”Двум портретам”, изданным в 1977 г., А. Воловик писал: ”Рина Левинзон — талантливый поэт. Я в этом убежден”. Мы тоже; факт сей не требует доказательств. Можно скорее удивляться ее недостаточной известности. Но и то сказать: если русская публика ее творчество не сумела оценить как должно, то иностранная разобралась лучше.

Ее стихи уже переведены на немецкий язык графом Ностицем (”Gedichte”, Мюнхен, 1986), превосходно изданный которым сборник мы рекомендуем читателям также (к нему, кстати, и оригиналы стихотворений по-русски приложены).

Владимир Рудинский

RERÉ L'HERMITTE "MARR, MARRISME, MARRISTES" (PARIS, 1987)

Сколь страшные слова встают во французском оформлении, со страниц этой книжки, словно бы поднимаясь из глубин моей юности, из студенческих лет! **Новое учение о языке... глоттогонический процесс... законы стадийного развития...** Бредовые теории Николая Яковлевича Марра, уже покойного ко времени, когда я поступал в университет, висели над нами и над нашими профессорами как жуткий, давящий кошмар. Они надолго задержали развитие языкознания в СССР, делая невозможной разработку генетических связей между языками; самое изучение связанных с ними проблем, в частности внутренних отношений индоевропейской языковой семьи, находилось почти под запретом.

Л'Эрмит справедливо и убийственно критикует абсурдные концепции марризма и подлые методы, которыми ложные схемы яфетидологии насаждались в подъяремной России, путем расправы, вплоть до физического уничтожения, над инакомыслящими, запугивания державящих возражать, темных академических интриг, о коих полной правды мы и по сей час не знаем. Вряд ли он, однако, не слишком снисходителен, усматривая некий *modus vivendi*, устанавливавшийся будто бы временами между марристами и подлинными учеными. Не состоял ли оный *modus vivendi* в том, что крупные специалисты, как Шишмарев, Жирмунский, Бубрих, формально признавали, под принуждением, чуждые им и не разделявшиеся ими лжепостроения. А в советских условиях молчаливого подчинения было мало; недостаточно было даже его выражать вслух; приходилось о нем кричать!

Автор разбираемой работы останавливается на трагической участи талантливого лингвиста Е. Поливанова, расстрелянного большевиками за оппозицию Марру. Но был ли это единичный случай? Сдается, в числе десятков жертв, вырванных в ужасные годы **большого террора** из среды подсоветских языковедов, людей заурядных или выдающихся, погибших затем или перенесших тяжелые страдания, многие были обязаны своими испытаниями Марру и его последователям.

С тем большим интересом прочел я труд французского лингвиста, что ряд лиц, им называемых, мне знакомы, кто ближе, кто меньше. В. Ф. Шишмарев и Р. А. Будагов (бесконечно между собою различные!) были моими преподавателями; Жирмунского, Мещанинова, Ярцеву мне доводилось нередко видеть в аудиториях и коридорах Филологического факультета ЛГУ, бывшего ЛИФЛИ.

Л'Эрмит кратко резюмирует биографию профессора Марра и постепенную эволюцию его взглядов. Начав с изучения грузинского языка, ему родного, он перешел к гипотезам о родстве кавказских языков с семитически-

ми (очень сомнительной!) и с баскским (несколько более вероятной). Следующим шагом явилось предположение о некоем племени — яфетидах, — населявшем Европу до прихода индоевропейцев. Остановившись он на этом, его исследования были бы не лишены значения и заключали бы в себе некоторое зерно правды. Увы, он пошел дальше; и сфабриковал теорию, якобы представлявшую собою приложение марксизма к языкознанию.

Отрицая разработанную настоящими учеными и общепринятую классификацию языков мира по генетическому принципу, Марр объявил, будто языки изменяются по стадиям, в зависимости от социального строя и общественного развития.

Мало того, что этимологии, приводимые им в виде аргумента, являлись ошибочными, сама идея имела абсурдный характер.

Если типологически языки делятся на аморфные, инкорпорирующие, агглютинирующие и флективные, то на практике язык любого строя может служить для отражения насколько угодно высокой культуры: китайский составлял адекватное орудие для замечательной цивилизации Среднего Царства, индейские языки выполняли те же функции для ацтекской и инкской империй, турецкий — для Блистательной Порты; а финно-угорские языки финнов и венгров и совсем уж ни в чем не уступают языкам их индоевропейских соседей. Представление, что есть высшие и низшие языки в зависимости от их грамматической структуры, есть антинаучное и не соответствующее истине.

Все же и эти умозрения включаются еще в нормальную логику. А вовсе уж немислимо то, до которого Марр постепенно докатился: будто индоевропейцы ниоткуда не приходили, а просто языки иной системы, яфетические, превратились на известном этапе в индоевропейские. Допустим еще, грамматическое строение могло бы измениться; но как могли бы измениться **корни слов**? Этого уже себе и вообразить невозможно.

Завершением всего стала гипотеза о четырех первоначальных элементах человеческой речи в целом: **бер, рош, сал, ион**. Почему именно 4? Почему именно такие? Этого ни сам Марр, ни его ученики не только обосновать, но и внятно объяснить никогда не сумели...

Особой стороной **нового учения о языке** являлось крайне агрессивное отношение к западной науке и к тем ученым в СССР, которые не желали марровских методов признавать и применять.

На такие выпады как нельзя лучше ответил знаменитый французский лингвист Ж. Вандриес: "Если буржуазная наука отличается тем, что она видит факты такими, как они

есть, я согласен считаться буржуазным ученым!”

Как известно, смертельный удар марризму нанес не кто иной, как Сталин, в 1950 г. В силу чего у некоторых возникает склонность Марру сочувствовать. Напрасно; в данном случае кремлевский тиран оказался вполне прав и сделал хорошее дело. Иные встают вопросы: почему он так долго Марра не только терпел, а выдвигал и поощрял? И еще любопытнее: почему он его посмертно разжаловал?

Л'Эрмит высказывает несколько разных предположений, — и все мало убедительные. Влияние профессора Чикобавы, оппозиционного к марризму и соотечественника Сталина? Но и Марр был тому земляком; да и не очень Сталин со своими компатриотами считался. Намерение использовать лозунги панславизма? Это скорее; но, пожалуй, не так уж бы в

этом марризм и мешал. Общий, в тот момент, поворот к восстановлению известных традиционных ценностей, вроде военных званий? Навряд ли такие факторы играли серьезную роль. Нет, вероятно, просто: “Марр сделал свое дело...” и мог уйти; он становился в тягость. Его зловещую тень лучше было развеять.

Отрадно, что раскрепощенная (хотя лишь и частично!) подсоветская лингвистика, вернувшись на нормальные научные пути, достигла быстрых и важных успехов. Так, разработка ностратической теории безвременно погибшим В. Илличем-Свитычем представляет собою весьма любопытный и значительный феномен. Даже его смерть не остановила движения в данной области: целая группа последователей продолжает его деятельность.

Владимир Рудинский

А. СОЛЖЕНИЦЫН. "МАРТ 17-ГО", "КРАСНОЕ КОЛЕСО"

После того, как я ребенком попал в Бельгию во времена нэпа, мне пришлось ознакомиться с историей революции в тридцатых годах. Тогда за рубежом процветала так называемая “мемуарная литература”, часто переводимая на иностранные языки. Наряду с воспоминаниями Врангеля, Деникина, Головина, Брусилова, Амфитеатрова и пр., зарубежные библиотеки изобиловали писаниями Витте, Зензинова, Коковцева, Курлова, Милюкова, Родзянко и т. д. Правые, как и левые, авторы, описывая события февральской революции, обычно описывали свое в них участие, не анализируя коренных причин этих трагичных событий, приведших империю к СССР, а весь мир к краю гибели.

Неоценимая заслуга Солженицына перед историей состоит прежде всего в том, что, предприняв сизифов труд изложения крушения императорской России, он сумел создать монументальную фреску для будущих поколений. Незаконченный третий узел “Марта 17-го” представлен им как своеобразный фильм, составленный из сотен тщательно разработанных эпизодов. Как и во втором узле, фильм этот прерывается изложением исторических документов, либо газетных статей, часто петитом, в виде источников показанных им событий.

Искусно спровоцированный хаос в Петрограде на почве мнимого недохватка хлеба, растерянность столичных властей перед толпами разнузданных, обманутых солдат и рабочих, бесконечные собрания и толчея в Зимнем Дворце случайных хозяев Думы, кадетов, первые уличные стычки, все это проходит перед читателем изо дня в день почти ежедневно, как некий кошмар, параллельно со сценами нарастающей сумятицы в Могилевской ставке, где больной Алексеев теряется

между противоречивыми вестями из Петрограда и необходимостью принимать срочные решения на тысячеверстном фронте. Накануне подготовляемого сокрушительного наступления Брусилова внутренние враги и изменники растлевают тыл.

Мастерски описана Солженицыным и заграничная деятельность коммунистов, преимущественно в Швейцарии, где они одновременно вели многолетнюю кампанию лжи и клеветы против России, непрестанно сносились с европейскими своими коллегами и соперничали с меньшевиками. В ожидании пресловутого пломбированного вагона Вильгельма Ленин и Троцкий с товарищами зорко следили за беспорядками в Петрограде. Красной нитью опутываются бесталанные фантоши, сподвижники крикуна Керенского, умелые пропагандисты направляют подрывную работу совета рабочих и солдатских депутатов, созданного Нахамкесом (“Стекловым”)...

Особенно притягивает и волнует читателя облик Государя. На фоне общей растерянности, сумятицы, недоверия, Николай II поражает своей выдержкой, сердечностью и, прежде всего, глубинным сознанием своего долга. Это особенно ярко выражено во время бесед всеми обманутого и уже преданного Государя с прибывшими в Псков делегатами временного правительства Гучковым и Шульгиным, добивавшимися отречения. Это фатальное решение, основанное на непреклонной воле довести войну до победного конца и верности союзникам, являлось принесением себя в жертву на пользу России¹. Государь выразил это благородное стремление в трогательном прощальном приказе, обращенном к горячо им любимым войскам; приказ был остановлен Керенским и не достиг армии... Автор с особой гибкостью и тактом описывает все,

касающееся царской семьи, столь оклеветанной тогда и теперь, когда вскрыты истинные причины российской трагедии.

Интересно привести тут слова Уинстона Черчилля о февральской революции: "Ни к одной нации судьба не была столь жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну уже в виде пристани. Отчаяние и предательство похитили власть в то время, когда труд был завершен... ушел Царь... Вмешалась темная рука, управляемая предательством и безумием."

Предайте его все и все, что он любил, предайте его ранам и смерти, преуменьшайте его заслуги, извращайте его поступки, предавайте его поруганию... но скажите: кто другой оказался способным после него? Кто повел Русское Государство? Оно упало после него навзничь!" ("Русская катастрофа, Россия и Царь").

Велика заслуга Солженицына, посвятившего свой недюжинный талант изложению для будущей России этих скорбных событий в свете исторической правды.

Николай Воейков

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ

Э. Герштейн. "Новое о Мандельштаме". (Париж, 1986).

Во "Второй книге" Н. Мандельштам рассказывает о своем муже: "Одно время он любил поболтать с Эммой Герштейн, а потом я вдруг услышала: "Как быстро Эмма превратилась в тетку"... Он выслушал все, что она могла сказать про марксизм, что заняло с месяц, а потом начал убежать от разговоров".

Краткая и убийственная характеристика, вероятно, точна как все зарисовки Надежды Яковлевны. Но не диво, если подобные строки вызвали ярость у той, к кому относятся! Которая нам известна, помимо упоминаний о ней у Н. Мандельштам и у Л. Чуковской, в качестве лермонтоведки; талантливой, но послушно проводящей в своих работах чисто советскую линию.

Inde ira, и отсюда ее настойчивые утверждения, будто мол Н. Мандельштам безответственная фантазерка, пишущая **легкомысленной скороговоркой**, и которой не следует доверять. Установка весьма удобная для большевиков. Однако критика Герштейн далеко не идет: мелкие поправки касательно хронологии или незначительных фактов, субъективно иные оценки общих знакомых, где трудно решить, кто прав; а то — и вовсе пустые придирки.

Интереснее ее попытки восстановить биографию С. Рудакова, молодого поэта и литератора, близкого знакомого Мандельштамов по Воронежу, погибшего на фронте во время войны. Она, вслед за самою Н. Мандельштам, упрекает его вдову, распродавшую рукописи Мандельштама и Гумилева, которые ее муж тщательно хранил. Но в советских условиях, в те невероятно тяжелые годы, когда выжить являлось трудной задачей, — можно ли предъявлять к людям чрезмерные требования?

315 страниц воспоминаний Герштейн дополняют кое в чем жизнеописание Мандельштама, — чем и ценны для специалистов, — но

вряд ли существенно. Неясно нам остается положение сейчас самой Герштейн: где она, в эмиграции или в СССР? В последнем случае, тем более возникают сомнения в надежности ее сообщений.

"Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения" (Рига, 1986).

Большинство собранных здесь статей касаются узких специальных проблем деятельности Ю. Тынянова как критика, романиста или киносценариста. Они часто и написаны сугубо профессиональным языком. Такою ценою зато почти все участники данных **чтений** (в городе Режица в Латвии, в 1984 г.) начисто избегают ссылок на марксизм и каких-либо выражений мертвящей коммунистической идеологии. Но цена довольно дорогая: за счет отказа от обсуждения всех актуальных и более общих вопросов.

Исключение составляют две статьи. Одна, Ю. Лотмана, "Архаисты-просветители", посвящена отношению русских писателей начала 19 века к французской революции и показывает, что ее отрицание часто было у них положительным явлением. Здесь, как видим, тема поставлена совсем не камерная, а широкая и важная.

Другая статья, Л. Гинзбург, "Еще о старом и новом", наоборот выдается своим 100%-ным коммунизмом во всей его гадости, хотя и в грамотном, в целом, изложении. Приведем цитируемые ею с восхищением неизвестные стихи А. Блока, навеянные духом классовой борьбы, к сведению его почитателей:

И мы подыдем их на вилы,
Мы в петлях раскачем тела,
Чтоб лопнули на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла.

Чем не Маяковский? Право, не хуже...

Marina Tsvétaïeva. "Tentative de jalousie" (Paris, 1986). Из составленного Евой Мальре введения французский читатель почерпнет не слишком верное представление о выдающейся женщине,

которой оно посвящено. Продуманный и прочувственный твердый антикоммунизм Цветаевой настойчиво изображается как случайный и чисто эмоциональный. Ее уважение к памяти русских царей вызывает у комментаторши наивное возмущение: как же можно защищать проклятый царизм, всем известно насаждавший де антисемитизм? Копание в интимных увлечениях поэтессы производит тяжелое впечатление: не дай Бог никому иметь таких почитателей и исследователей! Конечно, если толковать все экзальтированные, романтические дружбы Цветаевой как сексуальные связи (с мужчинами и женщинами), придется ее признать великою грешницей. Но ведь мы знаем точно, что во многих случаях не только что физической близости не могло быть, а даже и личных встреч не было (и все переживания ограничивались перепиской). Есть ли вообще основания верить, что бывало и иначе? В реальности, — мы знаем, что Цветаева была любящая мать и верная жена; что, увы! и послужило причиной ее страшной гибели.

Что до сделанных Мальре переводов из Цветаевой, — она выбрала, в основном, образцы самых трудных и герметических стихотворений последнего периода жизни Марины Ивановны. О них, остается лишь повторить комплимент, сделанный некогда профессором-эллинистом переводчику сочинений Платона: "Все места, непонятные в подлиннике, остались столь же непонятными и в переводе". А почему было не выбрать (хотя бы частично) стихотворений более раннего времени, чистых и прозрачных как ключевая вода?

Драгоценная часть книги, это — переводы самой Цветаевой с русского на французский. Когда читаешь фрагменты из ее поэмы "Молодец", чувствуешь: да, это вот — подлинная Цветаева, великолепная по-французски, как великолепна она по-русски!

А переводы ее из Пушкина восхитительны еще и в другом роде: это Пушкин, но это и Цветаева. Не знаем, оценят ли французы сделанный им роскошный подарок. Позволим себе привести кусочек, о Байроне (из стихотворения "К морю"):

Il fut créé à ton image,
Il subissait ta seule loi:
Profond, impénétrant, sauvage
Et indomptable comme toi.

Стихи Лермонтова в ее переложении почему-то слабее. Очевидно, его дух был ей менее созвучен. Хотя и то, вряд ли кто лучше нее перевел на язык Ронсара и Гюго столь чудные вещи, как "Казачья колыбельная песня", "Выхожу один я на дорогу" и "Любовь мертвеца".

Выразим свое удивление, что в примечаниях не указаны столь важные — для французской

публики — пункты, как то, что "Заклинание" есть у Пушкина перевод из Барри Корнуолла, а "Пир во время чумы" является переложением, — правда, сильно переделанным — пьесы Вильсона "The City of the Plague". Комментарии, нормально, для того и служат, чтобы подобные вещи отмечать.

J. Fenner "Le Goulag des Tsars". (Paris, 1986).

Название поражает неприятной тенденциозностью: нельзя переносить на царское время наименование явлений, свойственных советскому и специфических для этого последнего! Что до фактов, известно, что побывавшие в советских концлагерях, читая или слушая рассказы о царской ссылке, восклицают (с преувеличением, которое однако легко понять): "Это был дом отдыха!"

Жоселина Феннер дает нам очерк революционного движения в России, борьбы с ним правительства и существовавшей до революции пенитенциарной системы. Видимо, она незнакома с русским языком: ибо цитирует только книги, изданные по-французски (включая и переводы с русского). Один из излюбленных ее авторитетов, на который она опирается не меньше, чем 10 раз, — Кюстин (что говорит за себя). Любопытно, что для иллюстрации "ужасов царизма" она главным образом прибегает к беллетристическим произведениям Горького, Чехова и Л. Толстого. Когда же приводит воспоминания революционеров, те не всегда согласны с ее тезисами: например, Крупская честно констатирует, что Ленин в Сибири жил на полной свободе и совсем неплохо.

Рядовому французу книга принесет мало пользы: в ней воспроизводятся готовые и давно устаревшие графареты о России как варварской стране (отметим, как курьез, утверждение автора, что у нас простые люди ходили в баню 2-3 раза в год; зачем же тогда в деревнях при каждой избе имелась своя баня?). Русский тут ничего нового не найдет. Впрочем, умный француз или иной иностранец смекнет сам, насколько выгодно действовавшие в старой России законы и правила отличались от тех, про которые рассказали в наши дни А. Солженицын, Д. Панин и И. Солоневич.

Оформление текста удивительно небрежно, с ошибками на каждом шагу. Желябов превращается в Желянова, Боголепов в Базалепова, Дондукова-Корсакова в Дондаркову-Корсакову, а Среднеколымск в Иредне-Кальмск (!). Фамилия Петрашевского несколько раз на одной и той же странице пишется по-разному. Поразительно, с каким легкомыслием и писатель, и издатель отнеслись ко своей работе!

Э. Люксембург. "Десятый голод" (Лондон,

1985). Появление нового талантливого писателя, на любом языке, и особенно на русском, всегда есть радостное событие. Но звезда первой величины особенно ярко светит на тусклом, сером фоне продукции новейшей эмиграции, так сильно нас разочаровавшей, и разочаровывающей с каждым днем все больше. Оставляя в стороне редкие исключения, люди пишут про одно и то же, и одинаковым (при том же, скверным) языком.

Ничего из этих слов к Эли Люксембургу применить нельзя. Его произведение, прежде всего, глубоко оригинально. Авантюрный роман с бурно развивающимся драматическим действием? Фантастическая повесть, отчасти напоминающая жюльерновское "Путешествие к центру земли"? Новая сказка из "Тысячи и одной ночи"? Философский и религиозный трактат, где перемешаны мусульманская и иудейская мудрость? Все эти элементы тут налицо и соединены с самым высоким искусством.

Колдовство, остающиеся невыясненными загадки, и рядом реалистическое описание подготовки кадров советских шпионов и диверсантов для Ближнего Востока под покровом медресе, в котором обучаются буду-

щие муллы; сцены из войны курдских иезидов-дьяволопоклонников за их национальную независимость; хитрости израильской контрразведки и ее конфликты с ортодоксальными евреями из Института Каббалы, — мы здесь находим все это, и еще многое другое.

Вместо обычного, приевшегося у диссидентов изображения советского быта больших великоросских городов или, в лучшем случае, деревни, — фабула завязывается в обстановке Бухары, где старое причудливо сочетается с самым новым, чтобы извилистыми путями привести нас к трагической развязке в Иерусалиме.

Приключения и переживания центрального героя рассказаны так, что, раз начав, не оторвешься до заключительной страницы. Страшное, прекрасное и отвратительное сливается в одну ослепительную феерию, и странствие из Средней Азии в Палестину через подземные пещеры оставляет неизгладимое впечатление, надолго после того как закроешь эту замечательную книгу, безусловно, одну из лучших созданных за многие последние годы.

В. Р.

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

У нас нет оппозиции.

М.С. Горбачев

1. Перестройка в СССР. Кандальный звон.

Кандальный звон... Как много дум наводит он... Мы не раз писали на этих страницах про новые законы об экономических репрессиях. Приводим первые статистические сведения об их последствиях.

Министр внутренних дел СССР А. Власов сообщает в интервью "Известиям", что "общее число привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за самогонварение — более 130 тысяч. К ним прибавляются еще 70 тысяч наказанных в административном порядке. 61% самогонщиков — женщины. Половину самогонщиков составляют рабочие и служащие, 15% — колхозники, 20% — пенсионеры. Больше половины осужденных (52%) — люди в возрасте до 29 лет. Среди привлеченных лица с высшим и средним специальным образованием, коммунистов и комсомольцев среди них — 4,7 тысячи. За полтора года сдано добровольно или изъято 900 тысяч самогонных аппаратов" (Р. М. 20.3.87).

Председатель комитета народного контроля РСФСР В. Коннов в интервью газете "Советская Россия" (от 26.10.86) сообщает, что "в 1984 и 1985 годах привлекли за приписки 39000 должностных лиц, в первой половине 1986 г — 11000" ("Посев" № 3, 1987, стр. 40).

Это только по РСФСР, значит, по всей стране эту цифру следует, по крайней мере, удвоить, до 100 тысяч.

Продолжается кампания борьбы с "нетрудовыми доходами". "В Узбекистане, Грузии, Азербайджане — тревожные дни. Арест следует за арестом, судебный процесс за процессом. Репрессивные службы ведут ожесточенную борьбу с хищениями, взяточничеством, злоупотреблениями" ("Посев", № 3, 1987, стр. 3). Английский журналист Дэвид Сэттер, побывавший в СССР в 1986 г., сообщает: "С того времени, как Горбачев занял свой пост, были арестованы многие партийные деятели в Узбекистане, Молдавии, Краснодарском крае, Таджикистане и других местах. В течение всего нескольких месяцев в Москве было арестовано 800 руководящих работников торговли. Сейчас говорят, что общее число людей, арестованных в Москве за последние месяцы по обвинению в служебных преступлениях, превышает число арестованных за хулиганство" (Р. М. 14.11.86).

3 февраля советские власти официально подтвердили арест Юрия Чурбанова, зятя покойного Брежнева. Чурбанов обвиняется во взятках и злоупотреблении служебным положением, при Брежневе он был первым

заместителем министра внутренних дел. (Р. М. 6—13.2.87). Сообщается также, что снят с работы за злоупотребления Юрий Брежнев, сын покойного генсека, бывший первым заместителем министра внешней торговли. Против него возбуждено уголовное дело, а его подчиненные осуждены на 15 лет лагерей за коррупцию ("Посев", № 1, 1987, стр. 10).

Как рассказывает "Посев", 27 июня 1986 г. советское телевидение показывало документальный фильм "Взятка". Там есть кадр — камера смертника. Железный ящик вместо окна, привинченные к полу койка, стол и табурет. И лицо человека, осужденного к смерти за нарушение законов в сфере народного хозяйства. Это изможденное, небритое лицо с отчаявшимися страшными глазами запоминается навсегда. "Дошел я, дошел до ручки..." — шепчет он. А дикторский голос назидательно отвечает: "Кто виноват? Сам!" И тут глаза смертника вспыхивают гневом: "Кто виноват? А в корень надо смотреть!" Дальше ему говорить не дали, сцена оборвалась... Он прав, этот человек, которого, возможно, уже нет в живых" ("Посев", № 2, 1987, стр. 38).

Скільки их, репрессированных за "нетрудовые доходы"? Ф. Незнанский сообщает, что "в конце 60-х годов закрытое исследование выявило, что в орбиту скрытой преступности экономического характера втянуто не менее 20 миллионов советских людей" ("Посев" № 2, 1987, стр. 33). Будем осторожны и возьмем 1% от этой цифры — это дает 200 тысяч осужденных. Всего, таким образом, за годы перестройки репрессированы за алкоголизм, приписки и нетрудовые доходы 500 тысяч человек.

В "Русской мысли" публикуются "Письма из Москвы", в которых, в частности, говорится: "Такая реформа Горбачева, как зажим крестьянского рынка (в ходе борьбы с нетрудовыми доходами), ничего хорошего стране не сулит (30.1.87). Этим летом жестоко велась кампания против нетрудовых доходов. Осенью проклинали "перегибы" (что и в 30-м году делалось). Перегибы умышленны и даже выгодны руководящим работникам и с умыслом направляются против бесправного частника. В "Известиях" напечатано, что за годы борьбы с алкоголизмом смертность от отравлений политурой возросла в 5 раз. Пишут также о росте наркомании. (20.2.87). Все эти перемены скоро могут обернуться безудержным террором и массовым избиением" (3.4.87).

Е. Габович сообщает по этому поводу: "Постараюсь кратко изложить точку зрения двух недавних эмигрантов, с которыми я беседовал в конце октября в Риме. Советская пресса что ни день сообщает о новых разоблачениях, арестах и осуждении бывших

советских и партийных бонз, воровавших и бравших взятки. Народ злорадствует, млеет от сообщений о расстрелянных номенклатурщиках, надеется, что урежут привилегии удержавшихся на своих постах начальников, даже отменят им спецраспределители. Ведь когда жить становится все хуже, — а именно таково ощущение новых эмигрантов, — то на душе чуть легче, если самых благополучных хоть немного прижмут, ограничат, а совсем уж зарвавшихся — даже стрелянут. Что при этом тревожит чутких людей, так это гадкое настроение — нет, не толпы даже, а ее советского упорядоченного варианта — очереди, кровожадное злорадство, коллективный поиск (тон задают вездесущие пенсионеры) виновников всех бед, напоминающий погромное настроение периода китайской культурной революции. При этом, однако, ни очередь, ни исправное трудящееся и трезвое население ни в какие существенные изменения не верит. Нет никакого сравнения с настроением, царившим в начале хрущевской оттепели. У народа нет ни сил, ни желаний, ни надежды. Все устали, озлоблены, ни во что не верят и все горбачевское принимают за очередной "театр" ("Страна и мир", № 1, 1987, стр. 42).

Как остроумно замечает проф. Стивен Коэн, "в отличие от нэпа и хрущевских реформ, предложения Андропова базировались не на либерализации, а на обещаниях укрепить трудовую дисциплину и покончить с коррупцией, то есть предусматривали проведение кампаний, находящихся широкую поддержку в массах и среди консерваторов" ("Переосмысливая советский опыт", США, 1986, стр. 162). В древнем Риме давали хлеба и зрелищ, здесь мы видим репрессии и гласность.

Повторим за Иосифом Бродским:

Говоришь, что все наместники ворюги?

Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Евгения Эвальсон в книге "Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы)" (Лондон, 1986) описывает результаты введенных тогда Хрущевым тиранических законов. В книге рассматриваются 400 уголовных дел, по которым осуждено 1676 чел., из которых на 10 лет — 801, на 15 лет — 712, к расстрелу — 163. Тогда эти законы направлялись против дельцов-евреев. Брежнев обещал смягчить карательную практику, но отказался отменить законы. И вот — его сын и зять и несчетное число аппаратчиков арестованы по этим законам.

Так и хочется крикнуть: остановитесь, безумцы! Объявите амнистию и отмените противоправные законы! Вспомните древние слова: "Не оскверняйте землю, на которой вы будете жить; ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой крови, как кровию пролившего ее"

(Числа, гл. 35, ст. 33). Но ведь не услышат...

Тем временем, 27–28 января состоялся пленум ЦК КПСС. В своем докладе М. С. Горбачев сделал два предложения. Во-первых, чтобы "выборы в Советы проходили по более крупным избирательным округам, от каждого из которых избиралось бы по несколько депутатов". Таким образом, система "выборов без выбора" остается без изменений, на каждое депутатское место остается одна кандидатура.

Во-вторых, "об изменении порядка избрания секретарей райкомов, горкомов, обкомов партии, центральных комитетов партий союзных республик. Можно пойти на то, чтобы секретари, в том числе и первые, избирались тайным голосованием на пленумах соответствующих партийных комитетов. Члены комитета имели бы при этом право вносить в список для голосования любое число кандидатур.

Разумеется, в партии должен оставаться неизблемым уставной принцип, согласно которому решения вышестоящих органов являются обязательными для всех нижестоящих партийных комитетов, в том числе и решения по кадровым вопросам. По мнению Политбюро, дальнейшая демократизация должна касаться и формирования центральных руководящих органов партии. Думаю, это вполне логично".

Здесь тоже никакой демократизации нет. Право избирать секретарей не доверено даже подобранным делегатам партийной конференции или съезда. Как и раньше, делегаты тайным голосованием избирают партийный комитет по той же системе "выборов без выбора", когда число кандидатов равно количеству мест в комитете. Только партийный комитет получает право на "плюрализм" при выборе секретарей, голосование становится тайным, но его результаты могут быть отменены вышестоящим партийным органом на основании действующего устава. Таким образом, это всего лишь попытка ввести новый способ чистки, когда вместо снятия неугодных ЦК аппаратчиков будет устроено их "неизбрание". Какая "демократизация" имеется в виду для выборов секретарей ЦК КПСС — остается неясным. Хоть это вполне "логично", трудно себе представить, что пусть даже не съезд, а пленум ЦК будет избирать генерального секретаря из нескольких кандидатур тайным голосованием. Ведь для этих выборов не существует высшей партийной инстанции, которая могла бы их аннулировать.

В целом о предлагаемой "демократизации" можно было бы сказать, что поскольку этот мини-плюрализм не так поражает воображение, как мини-юбка, то ограничимся по отношению к нему мини-одобрением.

Не осуществились предсказанные западной прессой большие изменения в руководстве: предполагалось смещение председателя КГБ Чебрикова с удалением его в Киев — первым секретарем ЦК Украины, вместо Щербицкого, которого имелось в виду отправить на пенсию, как Кунаева. На место Чебрикова в КГБ намечался профессиональный чекист Э. Шеварднадзе. На его нынешний пост министра иностранных дел предполагалось назначить Добрынина, бывшего посла в Вашингтоне. Вероятно, Горбачеву не удалось утвердить на пленуме смещение Чебрикова и Щербицкого. Все же, как сообщает Александр Адлер (Либерасон, 26.3.87), слухи об этих предстоящих переменах продолжают циркулировать в Москве. А Адлер указывает также на важную роль, которую играет в Политбюро "урало-сибирская группа" (Лигачев, Рыжков и другие). Со своей стороны, М. Восленский пишет, что "из Советского Союза поступают сообщения о том, что наметился конфликт между Горбачевым и Лигачевым, что у Горбачева нет твердого гарантированного большинства в Политбюро. Пока у него, видимо, есть трудности. Я бы сказал — нарастающие трудности" ("Посев", № 1, 1987, стр. 34).

Как сообщают "Московские новости" от 19 февраля, Горбачев объявил на собрании советских журналистов 12 февраля, что на Пленуме ЦК 27 января он угрожал уйти в отставку с поста генсека, в связи с сопротивлением ЦК предлагаемым им кадровым переменам (Базиль Карлинский, "Либерасон", 20.2.87). С другой стороны, Горбачев на съезде профсоюзов 25 февраля объявил, что январский пленум ЦК трижды откладывался, "ибо мы не могли идти на него, не имея ясности по основным вопросам".

Со своей стороны, "Русская мысль" заявляет, что "некоторые западные газеты писали, что Горбачев даже пригрозил подать в отставку. На самом деле, Горбачев, конечно, никогда ни словом не упоминал о "выходе в отставку" (Н. Дюжева, 6.3.87). Но ведь западные газеты ссылались на "Московские новости" — странным образом, "Русская мысль" это начисто игнорирует. Зато, как бы в компенсацию, Н. Горбаневская называет корреспондента "Либерасон" — "некто Базиль Карлинский" (Р. М. 13.3.87), а Александр Гинзбург замечает, что "мы не будем уподобляться французскому кремленологу Александру Адлеру" (Р. М. 27.3.87).

Заметим далее, что "в западной печати появились сообщения о том, что в Советском Союзе распространяется видеокассета, явно предназначенная для того, чтобы нарушить покой Раисы Максимовны Горбачевой. Супругу генерального секретаря снимали, когда она делала покупки во время поездок на

Запад, а особенно — когда она расплачивалась кредитной карточкой "Американ экспресс". С особым вниманием отнеслись те, кто ее снимал, к туалетам первой дамы СССР и ее драгоценностям. Говорят, некоторые кадры были сняты скрытой камерой. Доказательств тому, что фильм о любви Раисы Горбачевой к роскоши — дело рук сотрудников КГБ, конечно, нет, но не очень понятно, кто еще мог бы это сделать. Особо подчеркивают режиссеры ее любовь ко всему западному, но хотя атака ведется против Горбачевой (надо сказать, что в СССР ее и так резко недолюбливают), те, кто делал фильм, целят в самого генерального секретаря" (Р. М. 10.4.87).

Скажем несколько слов о двух новых законах, наделавших на Западе много шума. 8 февраля опубликован проект закона о предприятии, в котором, в частности, предлагается ввести выборность руководителей предприятий. Как замечает А. Крончер из "Исследовательского бюллетеня Радио Свободы", "в этих обстоятельствах партийные органы сохраняют влияние на формирование администрации предприятий, в то время как министерства утратят влияние на этот процесс" (Р. М. 6.3.87). Добавим, что качество управления хозяйством при этом резко ухудшится.

19 ноября принят закон об индивидуальной трудовой деятельности. Пьер Лоррен в журнале "Эст э Уэст" заметил: "Закон легализует то, существованию чего советская власть так и не смогла помешать, а легализация означает налогообложение и контроль" (Р. М. 23.1.87). Р. Бахтамов приводит факты: "11 декабря "Известия" опубликовали очередную подборку писем в газету. Читательница М. Шандыбаева обратилась в ростовский горфинотдел для разрешения продать изготовленные ею вещи — и вернулась домой униженной и оскорбленной. Мало того, что Шандыбаеву отругали. Ее лишили пенсии, обложили... нет, не матом, конечно, но еще хуже: высочайшим налогом. Лишили пенсии и учителя Баку Г. Дика, тяжелобольного человека, который прирабатывал 50 рублей в месяц, печатая на машинке. Вот я и хочу спросить, — горестно вздыхает Дик, — почему человеку, который хочет до конца своих дней быть чем-нибудь полезным, улучшить свой бюджет, ставят палки в колеса" ("Страна и мир", № 1, 1987, стр. 34).

Напомним, что индивидуальная трудовая деятельность разрешается гражданам, участвующим в общественном производстве, — в свободное от основной работы время, домашним хозяйкам, инвалидам, пенсионерам, студентам, учащимся, — при наличии регистрационного удостоверения или патента, в рамках разрешенных промыслов, с подачей налоговой декларации и уплатой налогов и лицензий.

Всякое нарушение — преследуется по закону "О нетрудовых доходах". Добавим, что все материалы и почти все продукты для указанной деятельности можно достать только у государства, у которого и на свои хозяйства не хватает; всякое нарушение порядка снабжения опять же преследуется по закону "О нетрудовых доходах". Наконец, уровень цен и список клиентов контролируются тем же законом "О нетрудовых доходах".

2. Перестройка в эмиграции. Цензура и смятение.

"Страна и мир" № 1 за 1987 г. в редакционном обращении заявляет: "Тоталитаризм сейчас на наших глазах неуклонно распадается. Закрепить достигнутое, сделать возрождение тоталитарного строя невозможным".

Кто бы мог подумать, что К. Любарский и Б. Хазанов закроют уши, чтобы не слышать кандалный стон?

"Вечерний звон" № 13 сообщает: "Очевидно, что реформы, предложенные М. Горбачевым, переходят уже в необратимую стадию. Очевидно, что нынешние изменения глубже и необратимее хрущевских. Очевидно и то, что в реальной ситуации ничего более радикального, облегчающего жизнь народа, предложено быть не может".

Соблазненные, они соблазняют других...

"13 марта исполнилось 70 лет со дня победы Февральского восстания, духа свободы и закона свободы, утвержденного ею, увы, так ненадолго. Великий смысл Февральской революции в том, что она была в тот год наименьшим злом", — продолжает "Вечерний звон". Но обратит нас в феврализм — это попытка с негодными средствами. Февральская "демократия" была первой, создавшей анархию в великой стране и открывшей этим тоталитарную эру. За ней последовали "демократии" итальянская и веймарская.

Американский журналист Чарльз Краутхаммер пишет: "На одном конце спектра находятся такие страны, как Советский Союз. На другом конце — неконтролируемые полуанархические общества, как Италия, где правящая партия никогда не получает даже половины голосов" (Р. М. 16.1.87). Это сказано о сегодняшней Италии, которая управляется по формуле де Гаспери и в корне отличается от дофашистской системы с ее дискредитированным парламентом и правлением улицы. Кстати, сейчас итальянские социалисты предложили изменить конституцию, "чтобы президент республики избирался путем всенародного голосования и чтобы у него в руках была реальная исполнительная власть, наподобие президента Франции или США" (Р. М. 3.4.87).

В "Вечернем звоне" получается уже целый букет — андроповщина и феврализм, плюс к

ранее появившимся анархизму, арийской теории и сквернословью. Информация же свелась к нулю — в том же № 13 многозначительно упоминается о некоей важной речи Громыко на Пленуме ЦК, но не сообщается о ней ничего. О таком "Вечернем звоне" говорить более не приходится.

М. Назаров пишет в "Посеве", что "нельзя вызвать лавину неподконтрольных событий и упустить из рук инициативу. Для этого перестройка должна сопровождаться зажимом на низах, но это вовсе не возрождение сталинизма, как пишут некоторые авторы" ("Посев", № 3, 1987, стр. 23). Мы, однако, согласны с "некоторыми авторами", что это — сталинизм.

Коллекционер нонконформистской живописи Георгий Михайлов, который провел в лагерях более 5 лет и недавно эмигрировал, заявляет: "Все экономические преобразования, проводимые сейчас в СССР, безусловно послужат также общему оздоровлению климата. С этими экономическими изменениями связаны и внутривластные, главнейшими из которых являются гласность и реформы избирательной системы. Я считаю, что вероятность возврата к прежним методам правления — ничтожна" (Р. М. 3.4.87).

Искусство и законодательство, похоже, — вещи несовместные. Г. Михайлов явился из мест не столь отдаленных, где царит злодейство; как там с гласностью для несогласных с законом "О нетрудовых доходах"?

Экономист В. Сорокин пишет: "На кого же Горбачев может опереться для предотвращения грозящей социальной катастрофы? Кто может поддержать новый экономический курс и, если потребуется, выйти на баррикады? Способны ли приученные к безынициативности и равнодушию средние слои населения солидаризироваться с Горбачевым? Думаю, что нет. И поэтому не исключаю, что этой поддержки ему придется искать среди инакомыслящих — убежденных противников государства вчерашнего" (Р. М. 3.4.87).

Итак, население не поддерживает репрессии, а диссиденты готовы?

Интернационал Сопротивления (В. Аксенов, В. Буковский, А. Зиновьев, Э. Кузнецов, Ю. Любимов, В. Максимов, Э. Неизвестный, Ю. Орлов, Л. Плющ) опубликовал заявление для печати, перепечатанное в "Московских новостях" (газета для иностранцев, недоступная для населения СССР) от 29 марта, в котором, в частности, говорится: "Представим себе на минуту, что самое смелое предложение Горбачева — о более свободных выборах в партии — воплощено в жизнь. Благодаря этому наши "белые" (члены партии), наконец, обретут свободные выборы для самих себя, составляя всего лишь 7% населения" (Р. М. 20.3.87). Однако Интернационал неправильно

истолковал заявление Горбачева — "свободные выборы" (с последующим утверждением высшим начальством) предлагаются не всем членам партии, а только членам партийных комитетов, то есть не 7% населения, а в 100 раз меньше.

Кстати, совсем недавно Ю. Орлов заявил, что "те, кто хочет иметь успех внутри страны, среди простых людей, не могут опираться на Запад" (Р. М. 31.10.86). Но как ни странно, он уже вступил в руководство Интернационала Сопротивления... По поводу заявлений Ю. Орлова, что "в России капитализм сейчас невозможен, это было бы национальным унижением", Р. Бахтамов замечает: "На чем основаны эти выводы? Самое большое, на что может опираться Юрий Орлов, — беседы с несколькими случайными людьми. Логика, очевидно, такая. Мы выбрали социализм. Ради него сидели в окопах, голодали, умирали от тифа, убивали других и сами гибли в лагерях. И вот теперь признать, что все это было ошибкой, покаяться и вернуться к системе, от которой мы отказались в семнадцатом году?" ("Страна и мир", № 1, 1987, стр. 28). От себя добавим — "случайные люди", вероятно, были подосланы в месте ссылки поднадзорному диссиденту.

Редакция журнала "Время и мы" замечает, что "как и Горбачев, Хрущев тоже объявил войну аппарату. Но вот что важно: цель этой войны была предельно ясна. Какие бы ярлыки ни навешивались на Хрущева, сегодня для каждого очевидно, что он вел борьбу не против аппарата вообще, а против сталинского аппарата, против сталинского централизма, против сталинских методов руководства. А что же Горбачев? Какие, собственно, реформы он осуществляет?" ("Время и мы" № 92, стр. 99).

Действительно, Хрущев проводил настоящие реформы — прекращение войны в Корее и во Вьетнаме, повышение зарплаты, пенсий и стипендий, строительство жилья, внедрение отдельных квартир, введение кооперативного жилищного строительства, ограничение и затем сокращение рабочего дня, постепенная отмена налогов, отмена займов и многое другое, не говоря уже, разумеется, об освобождении и реабилитации живых и мертвых врагов народа. Хрущев отменил сталинский уголовный и уголовно-процессуальные кодексы и ввел новые, где сроки наказания были сокращены, примерно, на одну треть, а внесудебные расправы отменены. Как пишет проф. Р. Лайнс, "уголовные кодексы 1958 и 1960 годов предусматривали коренные реформы системы судопроизводства. Как только государство начало соблюдать юридические нормы уголовного судопроизводства, открылись возможности обвинения его в иных нарушениях законности. Диссиденты демо-

кратического толка поняли, что они могут бросить вызов властям, опираясь на изданные, но не соблюдаемые законы". ("Выжить недостаточно", США, 1984, стр. 188).

Перейдем к делу Владимова, которое продолжает освещаться в печати. "Грани" ответили на некоторые острые обвинения Г. Владимова: "Говоря о русском деле, которое надо делать русскими руками, НТС считает, что освободить Россию от коммунистического режима могут только народы нашей страны. И НТС считает "русскими руками" руки каждого, кто искренне служит России и ее интересам" (№ 140 стр. XX). Ряд других важных объяснений дан в интервью Е. Романова в "Гранях" № 141. Б. Борисоглебский в журнале "Время и мы" замечает: "Отдадим должное руководителям НТС — в острой словесной дуэли, которая вспыхнула в те дни, они проявили самообладание и подкупающую объективность" (№ 90, стр. 154).

Дело Владимова, однако, не сводится к НТС; своим выступлением Г. Владимов провал систему умолчания и вынудил заговорить об общем положении в эмигрантской печати. "С другой стороны — наши современники, писатели, изгнанные из СССР. Как часто, очутившись на Западе, они оказываются без средств к существованию, едва сводят концы с концами", — продолжает Б. Борисоглебский (там же, стр. 161). Очень жаль, что журнал "Время и мы" только сейчас заговорил об этом: замечательный писатель Михаил Демин умер 3 года назад, задохнулся оттого, что жить стало не с чего; переводы на многие языки не кормили, с радио "Свобода" его уволили, диссидентские журналы дружно промолчали...

Теперь "Время и мы" не молчит: "Все это деньги налогоплательщика, по крайней мере в том смысле, что убедить соответствующих джентльменов, которые столь легковверны, сколь и осведомлены (я даже не уверен, знают ли они в точности, который из Романовых или там Ждановых по эту сторону баррикад, а который — по ту). Для них прежде всего важны баррикады, чтобы уже их собственное начало было не усомнилось в нужности самих джентльменов. Вот ведь какой порочный круг, какое чертово колесо, дорогой читатель... Похоже, выводы нужно делать не нам, а другим людям из тех стран, которые не могут разобраться, что же происходит" (там же, стр. 159—161).

Другой острый вопрос — о роли С. Хмельницкого в деле Синявского — Даниэля — тоже широко освещается в журналах, в частности, в "22" № 48, "Континенте" №№ 49 и 50, "Время и мы" № 91. Но недавно дело приняло новый поворот. Н. Горбаневская в статье "Кто на чей крючок клюнул?" сообщает

поразительные вещи: "Наши агенты забросили крючок, а ваши его проглотили, так, по словам Евтушенко, объяснил ему в 1966 году Роберт Кеннеди арест Синявского и Даниэля, выданных советским органам... агентами ЦРУ. Синявский дал интервью итальянской газете "Коррьере демасера" и парижскому еженедельнику "Нувель обсерватор", где подтвердил, чем мог, истинность рассказанной истории. 22 февраля откликнулась газета "Московские новости". Она выразила глубокое сожаление, что сотрудники госбезопасности устроили процесс, какого сегодня быть не могло бы". Далее Н. Горбаневская опровергает всю эту версию, замечая в заключение: "Никто из издателей не знал подлинного имени автора. Кто-то сначала должен же был выдать их сотрудникам ЦРУ? Неужто Синявский не сообразил, что, подтверждая версию, он тем самым подтверждает связь с ЦРУ и предательство... Он не указывает, кого, и оставляет тень подозрения на всех троих" (Р. М. 13.3.87). Оставляя все это дело под вопросом, заметим все же, что кроме предательства бывает и случайность.

С другой стороны, Роберт (или Эдвард, как предполагает Н. Горбаневская) Кеннеди тоже мог быть введен в заблуждение, по понятным причинам. В "Стране и мире" № 12 за 1985 г. было опубликовано интервью с бывшим заместителем директора ЦРУ Р. Клайном, который, в частности, сказал: "В 1961 г. десант на Кубе в заливе Свиной потерпел поражение оттого, что его не поддержала американская авиация. Президент Кеннеди готов был отдать приказ, но газетчики подняли бурю протестов. Президенту пришлось отказаться от посылки самолетов".

Однако, как сообщается в книге Анат. Громько и А. Кокошина "Братья Кеннеди" (Москва, 1985), "Кеннеди дал согласие на участие американских военных самолетов во вторжении на Кубу. Однако адмирал Бэрк и заместитель директора ЦРУ Биссел направили соответствующие директивы в свои ведомства, но указали в них разное время по часовым поясам, не согласовав его между собой. В результате бомбардировщики "контрреволюционеров" и американские истребители разминувшись" (стр. 146). (Авторы ссылаются здесь на книгу А. М. Schlesinger, Thousand Days, John F. Kennedy in the White House, New York, 1967, p. 260).

В той же книге рассказывается о роли ЦРУ в убийстве Кеннеди и отставке Никсона: "ЦРУ имело все основания подстроить ловушку Никсону. Руководители ЦРУ опасались, что Никсон постарается установить над их деятельностью жесткий политический контроль, подобный тому, который удалось установить президенту в отношении ФБР в 1972 г. после смерти Гувера... Требуя ма-

териалы по высадке в заливе Кочинос, Никсон интересовался документами об убийстве Джона Кеннеди, происшедшем после того, как тот попытался жесткой рукой навести порядок в разведывательном сообществе, которое так подвело его в 1961 году. В борьбе против Никсона объединились сразу четыре могущественных блока: бюрократия, конгресс, разведывательное сообщество во главе с ЦРУ и пресса" (стр. 385–388). (Авторы здесь ссылаются на книгу Н. R. Halde- man, *The end of Power*, London, 1978, p. 49-50).

Отметим далее беседу с доминиканским монахом, профессором Еврейского университета в Иерусалиме, доктором Марселем Дюбуа, опубликованную в "Русской мысли" (17.4.87), возможно, в ответ на наши замечания по поводу статьи С. Чертока о пасторе Ван дер Ховене ("Голос зарубежья" № 44). С удовлетворением мы читаем слова д-ра Дюбуа, что "когда я вижу, как теологические или псевдотеологические аргументы привлекаются для оправдания крайнего национализма, когда в этом аспекте цитируется Библия, я чувствую себя не совсем уютно".

Однако возражим против некоторых других заявлений д-ра Дюбуа, как например: "Израильские пионеры-поселенцы, "халуцим", создали кибуцы и процветающее сельское хозяйство. Не случайно, что права человека впервые были провозглашены именно Французской революцией. Революционный переворот, ознаменованный возникновением кибуцев — этой новой общественной структуры коллективного бытия, — возник в Израиле". По нашему мнению, права человека впервые были провозглашены в Декларации независимости Америки в 1776 г., в то время как Французская революция 1789 г. принесла якобинский террор и перманентную войну. Но это история.

По поводу же кибуцев ограничимся самыми последними сведениями. Как сообщает С. Шустер, "состоявшийся недавно в Израиле семинар на тему "Выживет ли кибуц?" показал, что кибуцное движение переживает немалые трудности" (Р. М. 10.4.87). "Панорама Израиля" сообщает, что "министерство финансов внесло на утверждение кнесета решение об оказании помощи кибуцам. Ликуд отвечает, что кибуцы не должны пользоваться привилегиями по сравнению с другими экономическими предприятиями" (10.3.87). В отношении моральной обстановки в кибуце процитируем воспоминания знаменитого агента Мосада по борьбе с терроризмом: "Руководство кибуцем находилось в руках галицийцев (т. е. выходцев из Польши), казалось, — навсегда. Если возникал вопрос о том, кого из детей посылать, например, в медицинскую школу, не имели значения ни отметки, ни способности. Внешне это носило вполне

демократический характер — вопрос решался голосованием на общем собрании кибуца, но можно было не сомневаться, что тот, кому будет отданы голоса, окажется галицийцем... В тех редких случаях, когда ему снятся кошмары, это прежде всего сны из его жизни в кибуце, а не эпизоды, связанные с его работой в Мосаде" (Дж. Джонас, "Месть", Нью-Йорк, 1986, стр. 36, 328). Сошлемся и на записки кибуцника Б. Шилькрота: "Я попросился в кибуцный ульпан (курсы иврита). В ульпане собралась молодежь со всех концов света: из Марокко, США, Японии, СССР, Аргентины. Мотивация тоже была весьма различна. В основном их занимали вопросы сексуальной, а не социальной справедливости" ("Форум", Израиль, № 1–2, февраль 1987 г.). Странно, что в прессе совсем не описывается опыт другой формы сельского хозяйства в Израиле — мошавов, т. е. кооперативно-частных хозяйств, которые — насколько известно — имеют действительные достижения, несмотря на большие налоги и ежегодную службу в армии.

Наконец, д-р Дюбуа говорит, что "народ Израиля — образец для христиан Франции". Не касаясь духовной стороны проблемы, остановимся на политической. Как замечает д-р Дюбуа, "мне кажется, что правительство Израиля должно заботиться о том, чтобы сократить разрыв между бедными и богатыми. Иными словами, правительство должно быть озабочено проблемой социальных контрастов Израиля, поскольку трения между различными этническими общинами и группами в Израиле, на мой взгляд, имеют и социальную основу. Думаю, что трагедия народа — это отсутствие единства общества. Я бы хотел, чтобы правительство Израиля проявило большую силу воображения в проблеме палестинцев, во взаимоотношениях с арабами. Увы, ни одна из крупных политических сил Израиля не смогла найти ответа на эти проблемы. Если бы появилась сегодня в Израиле харизматическая личность — уверен, что 65% израильтян поддержали бы такого лидера". Из этого видно, что Франция, где еще в 1958 г. 79% французов поддержали де Голля в установлении президентского режима, может быть образцом для Израиля, а не наоборот.

Заметим, что ведущий интервью В. Радукский, беря интервью для "Русской мысли", не спросил ничего о положении наших соотечественников в Израиле. Тем временем нам сообщают об очередном случае: "17 декабря 1986 г. Швах Лангер, инженер-механик, 50 лет, житель Беер-Шевы, покончил с собой, выбросившись из окна на пятом этаже отеля для иммигрантов. Полиция уверена, что он поступил так, отчаявшись найти работу. Он приехал из СССР около 4 лет тому назад" ("Круг", № 496, 6.1.87).

Впервые в "Русской мысли" опубликован материал по вопросам эмиграции, оппозиционный израильской линии. Бывшие участники правозащитного и эмигрантского движений, живущие сейчас в Израиле, обращаются к деятелям свободного мира: "В связи с обещаниями нового советского руководства выдать выездные визы тысячам евреев, некоторые официальные круги Израиля вновь развернули кампанию с целью лишить выезжающих из СССР возможности отправиться в какую-либо другую страну, кроме Израиля. Усилия, прилагаемые для того, чтобы лишить эмигрантов из СССР свободы выбора страны проживания, лишены правового основания и аморальны по существу. Оказавшись по эту сторону границы, эмигранты лишаются права

вернуться обратно, у них нет паспортов и никаких других документов" (Р. М. 3.4.87). "Панорама Израиля" сообщает подробности о позиции некоторых официальных кругов: "Находясь с визитом в США, глава правительства Ицхак Шамир поставил перед американской администрацией вопрос о том, что не следует предоставлять статус политических беженцев евреям СССР, эмигрирующим в США. Шимон Перес, исполнявший обязанности главы правительства во время отсутствия Шамира, обсудил проблему отсева на заседании правительства, которое приняло решение добиваться отмены статуса, предоставляемого американцами. В этом вопросе в правительстве нет разногласий между партнерами по коалиции" (10.3.87).

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Страна и мир", №№9, 10, 11. Нечто сплошь непроходимо скучное. Редакторы, К. Любарский и Б. Хазанов, стали писать вновь, — но их продукция не выше остального. На всем лежит серый штамп советчины. Будто люди, выехав из СССР, не сумели освободиться морально, и продолжают свою деятельность там, — слегка в другом направлении, но с тем же акцентом. Дополним нашу мысль. У нас вот немало сотрудников, и блестящих, из числа **новейших**. Но это — такие, которые никогда большевизма душой не принимали, которые, пока находились под игом, страдали и томились, и которых выезд за границу раскрепостил и окрылил. Есть и другой тип людей, — сдается, они имеются среди сотрудников "Континента", — те, кто в прошлом верил в марксизм и делал в Советском Союзе карьеру, но потом со всем этим решительно порвал. А вот у некоторых деятелей "Страны и Мира" нутро осталось прежнее, образ мышления прежний, — а что изменилось? Как у хамелеона: цвет (на поверхности).

Б. Хазанов рецензирует книгу Ф. Горенштейна "Псалом", по пересказу видно, что противную; и уж безусловно, как сам критик удостоверяет, **мало патриотичную** (сиречь, антирусскую). И. Ефимов, в статье "Интеллигенция и советская власть", метко определяет основное свойство интеллигенции — широкий круг интересов; в остальном его мысли сомнительны. По случаю 100-летия со дня рождения В. Ходасевича, журнал перепечатывает несколько его этюдов о литературе. Глубок его отзыв о Маяковском. Он цитирует следующие строки:

А с неба смотрела какая-то дрянь,
Величественно, как Лев Толстой,
и комментирует: "Это двустипшие о Боге

достаточно ясно и недвусмысленно. Оно-то и определяюще и центрально в вопросе о "касании миров иных" у Маяковского. Это и есть предельная грубость и предельная низость, от которой все прочее в его поэзии — только производные". Забавный курьез: в статье о Гумилеве (где много совсем неверного) Ходасевич упоминает его драматическую поему "Гондола". Это у него, конечно, проскочила описка или опечатка, вместо "Гондла". Но типично, что редакция "Страны и Мира" не заметила, или, скорее, не поняла! Иначе она бы поправила или, еще лучше, сопроводила бы ошибку примечанием.

Б. Парамонов, в эссе "Кое-что о Чехове", проницательно подчеркивает плебейский уклон в психологии писателя: "Дворян он не любил, так же, как и интеллигентов, даже заочно им хамил". Проявляя свою странную и наивную *idée fixe*, уже нам знакомую, — преклонение перед западным бюргерством, — Парамонов считает Чехова **русским европейцем** и скорбит, что у нас не состоялась буржуазная культура. Мы о том не плачем.

М. Каганская остроумно исследует советскую фантастику, но впадает в типичную ошибку наших дней, недооценивая блестящую литературу в данном жанре 20-х гг. Та была — фантастическая литература для интеллигентного читателя; теперешняя, которой занимается Каганская, — для образованца. Журнал воспроизводит стихотворение А. К. Толстого "Против течения". Вот уж вовсе не по праву! "Страна и мир" воплощает как раз тенденции, которые граф Алексей Константинович не любил, презирал и высмеивал: материализм, эгалитаризм, шестидесятническую узость горизонта и, добавим, пльнет он, как нельзя более, — **по течению**... Гораздо более основательный претендовать на наследие автора "Иоанна

Дамаскина”, “Князя Серебряного” и “Дона Жуана де Мараньи” имели бы мы.

И №12. О нем особо. Предупредим читателей: остерегайтесь провокации! В связи с письмом С. Маркуса о. А. Меню, журнал приравнивает религиозное возрождение в СССР к капитуляции, исходя из евангельского текста: “Несть власти, аще не от Бога”. Отступничество или компромисс отдельного человека — вещь обычная, в обстановке гонения, и не должна нас смущать. Особенно оно понятно со стороны людей слабых или с авантюристической жилкой, каковые неизбежно появляются на сцену в момент религиозного подъема. Что же до слов Спасителя, верующие знают, что бывает власть милостью Божией и попущением Божиим; сей последней, когда она жестокая и безбожная, христиане могут, а порой и должны противостоять. Исторических тому примеров легко привести десятки. Конкретно же: именно христианского себе сопротивления советская власть больше всего боится, его энергичнее всего подавляет; а если пытается его взнуздать и подчинить, то именно потому, что чувствует в нем опасную себе могучую силу.

Опубликована переписка Н. Эйдельмана с В. Астафьевым. Первый писал второму вещи грубо оскорбительные для русского народа и несправедливо обвинял (выдергивая отдельные куски из его сочинений) во враждебности

к грузинам и монголам. Второй, разозлившись, ответил письмом, нелестным для евреев в целом, хотя содержащим много и правды. Конечно, следовало бы внести коррективы: слова подсоветского писателя применимы не ко всем евреям, а к той их части (она, бесспорно, имелаась), которая активно поддерживала советскую власть в ущерб интересам населения России.

Астафьев неправильно обобщает. Но тот, кто задевает национальные чувства — любого народа, — сознательно или бессознательно вызывает собеседника на такой же огульный и ядовитый ответ. Кто сеет ветер, пожнет бурю. Зачем же Эйдельман кричит о своей обиде? И зачем “Страна и Мир” отводит место его lamentациям?*

Еще неприятнее статья Б. Хазанова “По ком звонит потонувший колокол”, проникнутая духом злобы и мести по отношению к немцам (через столько-то лет!) и, главное, ко второй эмиграции, в которой он видит пособников и сообщников национал-социалистов. Поражает преломление в его сознании следующего эпизода времен войны: его отец, завербованный как партиз в ополчение на защиту Москвы, оказался в тылу у противника и скрывался в одной деревне. Зайдя в избу, молодой германский офицер спросил у хозяйки, не партизан ли это? Женщина поручилась, будто это — ее односельчанин.

*Мы не усматриваем в письме Эйдельмана русофобии, но оно носит безусловно провокационный характер. Цитаты надерганы из контекста и совершенно непонятно, с какой стати Эйдельман расплакался насчет татар времени татарского ига. Это были жестокие завоеватели, и уж их жестокостей Русь никак не обязана брать на себя!

Еще нелепее звучит то, как К. Любарский в своем послесловии, сначала похваставшись своим древним дворянством, извиняется перед татарами за то, что его предок воевал (будем надеяться, что действительно воевал) против татар под стенами Казани. Следующий раз К. Любарский будет перед татарами извиняться за тех русских женщин, которые убежали и прятались от татар, не желая, чтобы их тащили в гарем. Может и до такого извинения дойти!

Совершенно возмутительно, что К. Любарский стыдится принадлежать к русскому народу из-за того, что Астафьев к нему принадлежит. Разве Эйдельман стыдится быть евреем оттого, что были Троцкий, Зиновьев, Каменев и многие другие? Или те же грузины стыдятся быть грузинами из-за Джугашвили, Берии и многих других? Мы не думаем. И они правы, что не стыдятся. Но и сам К. Любарский нисколько не стыдится быть русским из-за того, что среди чекистов-нквдистов-кгбистов было и есть достаточно русских, да и среди других партийных угнетателей. Нет, это его не заставило застыдиться своего русского происхождения. А вот письмо Астафьева его заставляет стыдиться.

Нет сомнения, письмо Астафьева решительно неприемлемо. В нем есть места, которые не могут быть оправданы ничем: ни возмущением по поводу неоправданных нападок Эйдельмана, ни тем или иным, случившимся в истории. Как уже указано выше, не было в Российской империи национальности, которая не выделила бы из себя своих худших представителей, развернувших свою деятельность во время революции и после нее уже почти 7 десятилетий. Но если уж стыдиться своей национальности, то именно в виду этой деятельности, а не из-за одного письма, хотя бы и дурного.

Тут появляется еще один аспект, отмеченный В. Рудинским. Письмо Астафьева было личным письмом. Как оно попало в редакцию “Страны и мира” и кто разрешил его печатать? Мы должны неизбежно оставаться при этическом правиле печати: опубликовать личное письмо еще живого автора может дать только автор (а не адресат) письма. Получил ли К. Любарский разрешение от Астафьева на опубликование письма? Повторяем еще раз: если мы не будем неукоснительно придерживаться правила, что разрешение на опубликование личного письма может дать только сам автор этого письма, независимо от того, нравится нам этот автор или нет, написал он хорошее или дурное письмо, мы не изживем внутреннего большевизма.

Хазанову хотелось бы найти того офицера и с ним расправиться. А ведь вся его вина, — что он исполнял свой долг, охраняя жизнь вверенных ему солдат! Да еще и не стал придираваться (поверил ли, или нет, кто знает...). Ну а крестьянка, рискуя жизнью спасшая чужого ей вовсе еврея? Очень возможно, что она жива и среди нас: все знали, чего ждать при возврате советской власти, и бежали, кто как мог, пешком, верхом, в телеге. Не желаем ей, однако, попасть в лапы г-ну Хазанову! Пошады не будет. И рядом Хазанов шельмует Шопенгауэра за якобы **укорененную в душе бесчеловечность!** В свою душу он, очевидно, не в силах заглянуть...

Поставим себе вопрос: кому нужно и выгодно разжигать ненависть между русскими и евреями, между всеми народами России, между верующими и неверующими, между верующими разных исповеданий? Подобные конфликты — клад для большевиков; ибо могут свести их врагов к полному бессилию. Какую же жалкую роль играют фанатики, пусть и искренние, раздувающие наши ссоры и недоразумения — *tertio gaudente*.

"Время и Мы" №91. "Лишиться субсидии — это серьезнее, чем лишиться невинности". Фрагмент из "Мемуаров продажной женщины"? Кто автор: Поль де Кок? Мопассан? Нет: И. Шамир обсуждает полемику между третьеволновыми журналами. Похвальная вещь — откровенность! Зря все же он определяет "Синтаксис" как журнал **либерально-демократический**; ближе бы к делу сказать **порно-декадентский**. А уж что за демократия **культ личности** г-на Терца (Шамир уже его называет **вождем!**)? В длинные исследования на тему: стучал ли Хмельницкий? стучал ли Синявский? мы отказываемся вникать. А вот отметим соображения Шамира о Синявском (со ссылкой на А. Оза): "Как можно ожидать **интегри**ти от столь сомнительной личности?" Рядом приведены веские слова Н. Воронель: "В России Синявский был русским националистом, человеком религиозным, он регулярно ходил в церковь. А в Париже увидел, что все русские — националисты, и все в церковь ходят. И тогда он идет наперекор. Он уже со всеми в церковь не ходит". Опасный путь! Если все вокруг против большевиков, то... договаривать не станем. Но вот в чем мы с Шамиром согласны, это в оценке Г. Померанца, которого он ловит на грубых ошибках в области японской и еврейской истории, и о ком заключает: "Настало время сказать: Г. Померанц устарел, и его обобщения больше не действуют". Аминь!

Из обширного эссе Б. Парамонова, мы узнаем, что роман М. Митчелль "Унесенные ветром" переведен по-русски и пользуется в

СССР огромным успехом. Горько за Парамонова, что он, повторяя слова каких-то тупых снобов, презрительно отзывается об этой жемчужине убогой американской литературы нашего полустолетия! Правы, конечно, те, которые данный роман называют: **американские "Война и мир"**. Зато он очень пронизательно анализирует реакцию подсоветских читателей: "Представьте себе появление в Советском Союзе книги о русской гражданской войне, написанной с точки зрения белых". Да, именно с такими **аллюзиями** и **ассоциациями** мы, в СССР, читали иностранные и старые книги, а порою и советские. Естественно, симпатии публики в России — на стороне **американского феодального юга**, а не северных сил прогресса. Как и резюмирует Парамонов, относительно читателя у нас на родине: "Эта книга становится для него словом правды о русской революции и русской пореволюционной жизни". Все верно; только зачем в конце своей работы Парамонов причисляет "Овод" Л. Войнич к американской литературе? Автор — ирландка; герои — итальянцы; причем же тут США?

Удивительное дело! Тот же Матлин, который в "Континенте" так противно воспекает ловлю (псевдо) преступников войны совместными усилиями Израиля с СССР, в рассказе "Уплотнение" весьма неплохо изображает фантастическую Америку будущего, где восторжествовал коммунизм!

"Синтаксис" №16. О. Фрейденберг (1890—1956), специалистка по античной филологии, попала сюда посмертно и против воли; по духу она, явно, ближе к нам. Когда читаешь: "Масса безграмотной пошлости ("психует", "ни в какую", "на большой палец", "она переживает" и тысячи блатных слов из воровского арго) вошли в язык наряду с газетным напыщенным стилем, невыносимо фальшивым", спрашиваешь себя: не про "Синтаксис" ли она говорит? Вообще же, язык сталинской эпохи она описывает превосходно: "Язык стал содержать куски общих мест... Одинаковые мысли, одинаковые стоячие выражения никогда не грозили ошибками". От нее впервые узнаю, что травле после войны подвергся и мой старый учитель В. Ф. Шишмарев, заведовавший романо-германской кафедрой в ЛГУ.

З. Зиник и И. Померанцев, в разных жанрах, но одинаково нудно городят пустопорожний вздор. П. Вайль и А. Генис повторяют о деле **Владимова** то, что мы уже читали в "Панораме". А. Жолковский, сравнивая Л. Толстого и М. Зощенко, вполне трезво констатирует: "При всех оговорках, по-видимому, следует признать антикультурный фундаментализм Толстого, — по крайней мере, в русском общественном контексте, — неконструктивным". Неизвестно для чего, Е. Эт-

кинд перепечатывает заметку И. Здановича, дающую ложную версию смерти Б. Поплавского: будто его везли в больницу, но он отказался и вернулся домой; а известно, что его нашли уже мертвым. Еще непонятнее, почему нам не сообщается имя **грузина**, который вместе с поэтом покончил самоубийством (или отравился случайно, или его отравили умышленно). Через столько лет, после стольких событий, — неужели это еще секрет?!

Н. Рубинштейн сравнивает А. Сахарова с Робин Гудом. Почтенный академик мог бы ей возразить:

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу.

Насчет Галича, она неполное права. В Париже он 2 раза собирал полной большую залу. Чего же больше? А что слова **шмон, сучок, топтун**, сладостные для израильской журналистики, нас не впечатляют и у нас не вызывают ностальгических воспоминаний, — ничего не поделаешь... Еще есть в журнале интервью с английским писателем. Но писать, как здесь, Л. Даррел, — рука у меня не подымается, хоть бы смертью грозили! Оный Доррель выпаливает злобные русофобские фразы ("Синтаксису" и лафа!), которые не хочется повторять. Зато, правда, он признает, что когда был в Югославии, там все ненавидели титовский режим. И то хлеб!

"Русское Возрождение" №№ 34 и 35. В статье "О возможности восстановления монархии в России" П. Будзилович проявляет непонимание сути монархической идеи: верховная власть через наследование как выражение божественной воли. Единоличная власть, не основанная на наследственности и традиции, есть узурпация или диктатура; и она-то и дает жуткие гримасы в виде Сталина и Гитлера. Кроме того, странно, что автор предлагает в качестве идеала... Иоанна Грозного. Иван Васильевич, человек богато одаренный и блестяще образованный, был, в силу своего характера, трагическим отклонением в долгом ряду разумных и умеренных московских государей. Не зря убежденные монархисты Н. Карамзин и позднее А. К. Толстой с ужасом останавливались на царствовании сего **гнева венчанного** по выражению Пушкина. Да и православная Церковь его осудила устами мученика митрополита Филиппа. Далеко не все, сделанное им, было плохо; но в образцы правителя он не годится решительно никак.

В прошлом номере мы говорили о том, как много значил для нашей второй волны Гумилев; именно наше поколение русской интеллигенции приняло его всею душою как выразителя наших чувств и желаний; больше, чем его современники (а как потомки, — кто знает?) Лишнее тому подтверждение — отличная статья О. Ильинского, одного из самых

замечательных поэтов второй эмиграции. "Идейно-художественное кредо Гумилева". Вот что он пишет: "За творчеством Гумилева стоит общеевропейская традиция христианского искусства. Это явление вряд ли нуждается в специальном определении. Творчество Данте, религиозные традиции Позднего Средневековья и раннего Возрождения, живопись Фра Беато и Микеланджело, скульптура Челлини, готические соборы — в достаточной степени говорят за себя". С большим проникновением, автор статьи считает за вершину творчества Гумилева стихотворения "Канцона Вторая" ("Храм Твой, Господи, в небесах...") и "Заблудившийся трамвай".

Отметим, что на самого Ильинского муза поэта дальних странствий несомненно оказала сильное влияние; в его стихах, особенно ранних, мы находим ту же атмосферу Средневековья и тот же налет экзотики.

"Русская Жизнь". С недоумением наблюдаем, что газета массивно воспроизводит материалы, печатавшиеся в 50-х гг. в парижском "Возрождении": публицистику Е. Ефимовского и В. Абданк-Коссовского, беллетристику (увы, бездарную) Е. Яконовского. Кое-что из них было в свое время кстати. Но... 20 лет спустя (и с гаком)? Надо бы хоть указывать источник. А то публика (не все же в курсе дела!) будет думать, что это — живые люди и сотрудники калифорнийского печатного органа. Культурный уровень "Russian Life" удручающе низок. Остановимся на по ее масштабам еще неплохом очерке Н. Кормилева "Фиджи". Автор удивляется, что фиджийцы (он их именует **фиджийцами**) "более темного цвета", чем другие полинезийцы. Но они не полинезийцы, а **меланезийцы**. Ну, а раз они "почти черные", г-н Кормилев их дальше презрительно обзывает **черномазыми**. Грустно видеть русского человека, зараженного американским расизмом в худшей форме.

"Беларускі Голас" №№ 330 и 331—32. Мы узнаем, что белорус Б. Казей, обвиняемый, будто служил у немцев, бежал заблаговременно из США в Коста-Рику, которая сперва его отказалась выдать; но, после прихода там ко власти более левого правительства, уступила настояниям чекистско-американской комиссии, требующей его для депортации в СССР. Его адвокаты хлопочут перед костариканцами об отмене сего чудовищного решения. Кроме того, в изданной недавно в Нью-Йорке книге, С. и Дж. Андерсоны обвиняют в коллаборации белорусских общественных деятелей в эмиграции Косяка, Космовича и Алехника. Любопытно и сообщение о выпуске в Австралии романа Т. Конолли, где бичуются белорусы, якобы сотрудничавшие во время войны с немцами.

Не могли ли бы мы все, перед лицом смертельной опасности со стороны общего

страшного врага, объединиться для протеста, — беженцы из числа народов России, будь они сепаратисты или российские патриоты, из Прибалтики, с Балкан, из Центральной Европы? Готовится ведь, явственно, черное преступление: выдача Советам всех активных антикоммунистов из перечисленных выше стран (с тем, чтобы уцелевшую массу бесповоротно запугать). Никто не должен себя обольщать надеждами; и поймем, что если сейчас используется ярлык антисемитизма, то потом потащут на расправу даже и евреев-антибольшевиков. Нужно бы сегодня бороться за спасение хоть бы и тех, с кем кто-либо из нас не согласен; завтра будет поздно: Запад привыкнет беспрекословно исполнять приказы кремлевских вождей, и его с этой точки станет невозможно сдвинуть.

Любопытна заметка о двух молодых минчанах, С. Ключко и В. Блинохватове (последний — сын полковника КГБ), пытавшихся бежать в Швецию, но схваченных и отправленных в концлагерь. Они обратились в христианство (в евангелизм) под влиянием иностранного студента из неуказанного государства Третьего Мира, позже высланного из СССР. Отсюда видно, что кое-кто из молодежи, ввозимой из-за границы в Советский Союз для идеологической обработки, сам занимается пропагандой иного рода; и даже с успехом.

Из "Белорусского Голоса" ясно, что белорусская эмиграция, как и русская, раздирается раздорами разных группировок (Островского в Лондоне, Абрамчика в США и др.), а помимо того — конфликтом между православными и католиками, и спором с поляками о границах. Ну, эти беды — удел всех эмиграций.

"Обозрение" №21. Сие приложение к "La Pensée Russe" приказало долго жить. Оно служило рупором для гарвардских, венецианских и прочих профессоров марксистского, полукommунистического и оппозиционно-коммунистического толка, излагавших вполне химерические свои представления о чужой и несимпатичной для них России. Кому оно было нужно, — не хотим гадать. Не нам, безусловно.

"Грани" №140. В талантливой повести "Правила игры" Л. Бородин ставит острые и важные вопросы, в том числе об антисемитизме, — и не дает ответов. Хуже: аргументация персонажей как бы скомкана, не приведены напрашивающиеся в голову у читателя доводы и возражения. А послесловие Э. Кузнецова просто оставляет впечатление, что он не вник в произведение, о коем судит, и вовсе в нем не разобрался. Заметно, что у Бородина концы — всегда самое слабое. Заключенный, который почти накануне освобождения избивает надзирателя, обеспечивая себе новый

срок, выглядит человеком крайне неуравновешенным. Хотя, возможно, в лагерях так и бывает. В целом же образы эзков набросаны живо и правдоподобно; но и весьма пессимистически.

Стихи Л. Владимировой на сей раз очень хороши, на уровне лучших из ее прежних. Особенно выделим начинающиеся строфой:

Как в незабытое жильё
Шагнула в снег, почти как в детство.
Мороз и солнце — вот наследство,
Вот достояние мое.

М. Лемхин, в рассказе "Все будет хорошо", деловито, но серо описывает, как чекисты вербуют к себе на службу интеллигентную молодежь.

Превосходен яркий, красочный очерк Я. Хромченко "Бухара-и-Шериф", дающий картину сказочного Востока, униженного и оскверненного большевизмом.

А. Жолковский разбирает эпизод из "Золотого тельца", где человека с **монархистскими** (sic!) устремлениями преследуют даже во сне образы гнусной советской действительности, вопреки его страстному желанию увидеть хотя бы в грезах дореволюционное прошлое. Автор привлекает к исследованию множество антиутопий и литературных аналогий; но похоже, что, тогда как Ильф и Петров отчетливо сознавали, над чем глумятся, он-то не понимает совсем. Отделенный, — возрастом ли, средою ли, — он не отдает себе отчета, с какой тоской все представители старшего поколения вспоминали и рассказывали нам, тогдашней молодежи, о минувших сказочных временах материального благополучия и духовной свободы! Для них, знавших царскую власть, ее картины представлялись сладостным сновидением наяву; над ними-то сочинители "Золотого тельца" и издевались; и их циничный юмор являлся как нельзя более метким и актуальным. Слабость общей конструкции Жолковского состоит в том, что герои используемых им утопических романов, — Смит, Сведж, Цинциннат, — принадлежат как раз, в отличие от Хворобьева, к иной, позднейшей генерации, уже по личному опыту с прежней жизнью не знакомой.

П. Вайль и А. Генис описывают идиотское увлечение Хемингуэем в советской России, перешедшее постепенно в приклатненное мировоззрение: "Хемингуэевский идеал слился с блатным. Грубость, скрывавшая нежность, стала просто хамством. Пьянство неотвратимо катилось к алкоголизму". Закономерно, оказалось, что жить без идеалов нельзя, и формула: "Я люблю, чтобы в коктейле была маслина" недостаточна для определения цели жизни. Авторы вызывающе кокетничают невежеством, почти хвалятся, что не знали, до появления Кастро, где находится Куба. Типично, что все у них цитаты, перечисленные в

сносках, — не из первых рук, а из популярных журнальных статей.

Перепечатано письмо Г. Владимова, — да падет на него вечный позор! Он от имени **своего поколения** поносит власовцев, "стрелявших не в Сталина, а в наших отцов и братьев". Будто в том же поколении не было тех, чьи отцы и братья служили у Власова (Что они про то не рассказывали, иное дело). А Сталин нам на мушку не попадался. Но ведь и советские солдаты стреляли (правда, по долгу службы) не в Гитлера, и часто даже не в немцев, а в совсем неповинных людей: балтийцев, защищавших свою родину, испанцев, продолжавших в России свою борьбу с коммунизмом, в тех же власовцев, дравшихся за настоящую, свободную родину (но Владиму этому не понять). Он свински хихикает, что-де концепция солидаристов (между прочим, не их одних) **проста как помидор**: весь народ встречал оккупантов хлебом-солью. Он не видел; мы видели, что на деле так и было. А свидетельствам он не верит, выбирая из них лишь подтверждения **своей** концепции: все сомкнулось **за родину, за Сталина**. Стыдно, однако, и за энтеезовцев. Испугавшись брани Владимова, они спешат отречься от Власова. А всегда кричали, будто при нем играли главную роль! Урок еще живым власовцам: ненадежные это были друзья; и небескорыстные.

"Кадетская Переключка" №№ 40 и 41.

В. Бодиско, в статье "Cogito ergo sum" с большой смелостью берется пересмотреть кадетский девиз "За веру, царя и отечество". Выясняется, что он не признает не только православия (зачем оно разбилось на юрисдикции? Но нестроения в Церкви случались с апостольских времен, и верующим не мешали молиться и, когда надо, страдать за свои убеждения), но и христианство (не верит в создание Богом мира, да и вообще в Библию). Не признает он и царя (считая его почему-то возможным лишь в виде самодержавного, хотя монархия может быть разной формы). За отечество же он предлагает каждому считать ту страну, где кто живет.

По счастью, ему в том же номере возражает (слегка) Н. Козякин, а в следующем, обстоятельно и убедительно, С. Третьяков.

Миниатюрная заметка за подписью Н. В. К. поражает расплывчатостью. С оттенком упрека, укрывшийся за инициалами составитель полагает, что судимый сейчас в США Самарин "слишком горячо выкрикнул, что в ту минуту думал о коммунизме и его строителях". Очевидно, критиковать коммунизм надлежит **шепотом**? А может статься, теперь, и совсем не надо? Мы вот, как и Самарин, считаем большевиков извергами и преступниками и не стесняемся это заявлять вслух.

"Путеводитель по русской и русскоязычной

периодике в Европе" В. Зарубина прекрасно совмещает объективность и обстоятельность с трезвой, правильной политической оценкой вещей. Горячо его рекомендуем всем, кого интересует трактуемый им предмет!

Статью П. Пагануцци "Хотят ли русские войны?" надо считать в высшей степени вредною и глубоко неправильною. Начиная с заглавия; следовало сказать: "Хотят ли Советы войны?" **Русские** тут не при чем. Далее, путем всяких хитрых построений и ссылок на шаткие авторитеты, автор приходит ко мнению, будто СССР не представляет собой угрозы для Запада. Чудеса! Большевики, не скрывая, кричат: "Мы вас похороним!" И не на словах, на деле показывают свои намерения: что ни год, отхватывают увесистые куски от свободного мира... А Пагануцци теоретически рассуждает, что им мол завоевание Европы было бы невыгодно. Очевидно, у него иная точка зрения, чем у большевиков. Вот и получает целиком ложные выводы. Нас же он поучает, что де Западу **выгодно** наличие Советского Союза. Опять же, спросим первым делом: **какому** Западу? Неким кругам истеблишмента, дурачащим избирателей, капиталистам, торгующим с канибулами, — допустим, и выгодно; с оговоркою **на сегодняшний день**. Если они доживут до завтра, — им придется худо. Народам же, которых они толкают на путь, в конце коего маячат концлагерные вышки и уныло расстилаются бесплодные колхозные поля, — выгоды вовсе нет, как ни крути. Оторвемся на миг от абстракций. Чехословакия, скажем, составляла часть Запада, со всеми его заблуждениями, — и что мы в ней имеем? Кто выиграл от коммунизма? Министры? Капиталисты? Крестьяне? Интеллигенция? То же самое будет ведь и в Соединенных Штатах или Англии! Но г-н Пагануцци рассыпается в ядовитых упреках Западу, а нам рекомендует... бездействовать. Оно и легче всего. Да вот, нам совесть не позволяет. А как ему не совестно подобные советы давать? Воистину, чужая душа — потемки.

"Мулета" №2. Чтобы дать представление о слоге и предмете романа К. Кузьминского "Hotel zum Тюркен" (sic), цитируем: "Венгр наблевал на койку югослава, русский же проделал то же самое с койкой венгра". Кончается повествование словами: "Протянул руку и схватил Майю за..." Но это уж, pardon, плагиат из Стерна. А вот идея открыть в Париже зырянский ресторан "Коми АССР", право, перспективна: могло бы иметь успех. Хотя сомневаемся: вправду ли основное национальное блюдо у зырян — пирожки с личинками овода? Мороженный же мамонт уж и верно бы всем понравился.

А. Волохонский в "Гипоптигриде" щеголял ет педантичными написаниями вроде **Аурелий**

и **Лукий**, вместо Аврелий и Люций; но ученость его, похоже, что поверхностная. К примеру, **Гвадалквивира** в римские времена не существовало; он именовался Бетис. Название **Wadi Al Kabir** (т.е. "Большая река") было ему дано гораздо позже арабами. Имя императора **Коммода** принято писать через **2 м**, в отличие от **комода** в смысле "шкап".

Вопреки утверждению г-на Н. Н., в его комментариях на стихи Е. Шаповой, уши Даниэлю Дефо **не** отрезали; хотя он и был поставлен к позорному столбу (причем народ его забросал цветами). Ну да Н. Н. признается, что и "Войну и мир" не прочел, по причине незнания французского языка. Да еще и добавляет: "Руссо я не читал, а читал Лимонова". Это не совсем то же самое. И тут даже, как выражался Скалозуб: "Дистанция огромного размера". Впрочем, с некоторыми оценками Н. Н. насчет Лимонова мы вполне согласимся: "Эдичка описывает **сам себя**. И грустно становится — сколько дерьма в человеке". Вполне справедливы и следующие его дополнения: "Американские рецензенты называют роман Лимонова "сопливым", "слюнявым" и вообще "не интересным", — у них, впрочем, давно уже переплюнули и Джойса, и Генри Миллера, а уж Д. Х. Лоуренс — просто стал школьной классикой, их можно понять".

Журнал провозглашает В. Хлебникова мастером верлибра. Но, сколько мы в силах вспомнить, он как раз преимущественно писал рифмованными стихами с выдержанным размером. Да беда и не в том. Верлибром тоже можно писать... и все равно нужен талант (который у Хлебникова-то был). Без того, как ни бейся, — ничего не получится. Впрочем, о Хлебникове мы еще поговорим.

А вот никак не поймем, зачем взрослые и вероятно неглупые люди предаются инфантильной игре в грязные слова и похабные образы? Тут теперь нет ничего нового, даже в пределах русской прессы: в "Континенте" иногда непечатная словесность занимает целые страницы, в "Русской Мысли" полностью сияют слова, которые полагалось заменять многоточием, в "Синтаксисе" орудует Лимонов, чье имя говорит само за себя. Иностранцы же и не такое видали (см. выше выдержки из статьи Н. Н.) Только у них это — результат долгого гниения на почве беснования с жиру; у русской же богемы — искусственное, натянутое ломание. Самые ее крайности суть лучшее тому доказательство.

Особняком стоят в номере в своем роде поучительные интервью, взятые редактором "Мулеты" у двух равных ему по сану персонажей — И. Иловойской от "Русской Мысли" и В. Максимова от "Континента", касающиеся финансовой базы и политической ангажированности подведомственных им ор-

ганов. Но пусть желающие ознакомиться с вопросом обратятся к первоисточнику.

№3. Выпуск целиком посвящен Хлебникову. Это бы можно приветствовать; но — поэт мало известный, оригинальный и во многих отношениях любопытный. Чрезмерный же энтузиазм его поклонникам нетрудно извинить. Кроме нескольких биографических и литературоведческих очерков, мы здесь находим **сценическую композицию** А. Волохонского "Внучка Малуши". Не вполне понятно: что же в ней принадлежит Хлебникову, а что — Волохонскому? Пьеса, сама по себе, довольно забавна; в особенности — женихи дочери Владимира Красно Солнышко. Из них царевич Мирза представляется так:

Ах, мусульмане те же русские,

И русским может быть Ислам.

Милы глаза немного узкие

Как чуть прикрытый ставень рам.

Византиец же Патрикей, поймав в сеть плавающую на манер русалки Людмилу, восклицает:

Изловил же я сома!

Нет — попалась сама!

Хуже всех достается хазарину, о котором своенравная княжна говорит, обращаясь к лешему:

Найди мне друга, но не такого

Как хан хазарский жид Хаим.

Жаль, что вторая часть **композиции** намного слабее первой.

Е. Нецкова восторженно разбирает творчество Хлебникова, констатируя однако: "Понимать мысли Хлебникова нелегко. Это понимание — процесс, требующий огромной затраты сил и много уважения к чужой и своей мысли". Она не отдает себе отчета в том, что тут уже заложено осуждение. Подлинно великие поэты, будь то Данте, Пушкин или Гете, пишут ясно; всякий, кто знает соответствующий язык, может их без труда понимать. Другое дело, что мысли их неисчерпаемо глубоки, в силу чего их веками толкуют и комментируют. У Хлебникова же, мало того, что его мысль нелегко понимать, а и мысль эта часто не представляет ценности. Что можно извлечь из приводимых в номере отрывков из поэмы о Разине (выбранных зачем-то из числа наиболее невразумительных в ней)? Призыв к насилию, грабежу и убийству... Игры же слов, типа: "Раб бар... Бар раб... Гор рог... Рог гор" — во вкусе византийской или римской риторики времен упадка, и с настоящей поэзией мало имеют общего.

Во всяком случае, нельзя оказать хуже услуги полубезумному и полугениальному, но глубоко своеобразному основателю движения **будетлян**, чем противопоставляя его Пушкину, как делает Э. Лимонов, изрекая по адресу последнего надутые и неприличные

хулы. С ним сравнения никто в русской литературе не в силах выдержать; Хлебников, без сомнения, — менее многих других.

И №4. До сих пор "Мулета" концентрировалась на проблемах живописи и литературы; теперь ее внимание перекинулось на политику, и она решилась встать под черное знамя анархии. Редактор посвящает передовицу "Урокам китайского анархизма". Поскольку о таком мало что известно, она безусловно представляет некоторую осведомительную ценность.

Очерк Кацапова (ни имени, ни инициалов не дано) излагает жизнеописание "**Великого Человека**" **Нестора Ивановича Махно** (он сам, впрочем, предпочитал, кажется, чтобы его называли Нестор Михайлович). Фактические данные не лишены интереса; восторги же имеют субъективный характер. Гуляй-польский батька принадлежал к типу выдающихся пиратов и бандитов и являлся чем-то вроде украинского Стеньки Разина. Анархические теории играли второстепенную роль в его эпопее. Организационных же его способностей и, конечно, смелости и силы воли, не приходится отрицать. Э. Багрицкий, из которого автор статьи взял эпиграф, недурно схватил суть махновщины в своей поэме "Дума про Опанаса". А вот вовсе скверно, что г-н Кацапов честит всю первую эмиграцию **российским сбродом** (хотя ведь в ее составе были даже и анархисты); и еще гаже, когда он повторяет такие же гнусности по адресу генерала Шкуро, который умер смертью героя и мученика в борьбе с большевизмом.

Стишки А. Ровнера озаглавлены "Из дневника трансцендентного эгоиста"; **трансцендентного кретина** подошло бы еще лучше. Стишата А. Хвостенко охарактеризуем его же словами: **серый ночь**. Задавшись вопросом, "лирично ли торговать краденым", В. Тупицын надергивает строки из крупных поэтов и предлагает нам 5 страниц неудобоваримой окрошки в рифмах.

В плоском фельетоне "Исчезновение варваров" Э. Лимонов многократно подшучивает над Солженицыным. Вздумай тот подшутить в свой черед, — от Эдички мокро не останется. Но этикие шавки и моськи с тем и лают, что на их визги не ответят... из презрения. Основная же идея фельетона та, что Советы для Запада не представляют вовсе опасности, а их агрессивность есть выдумка американцев. Курьезно **полное совпадение** взглядов Эдички со взглядами П. Пагануцци в "Кадетской Переключке". Крайности сходятся! Или ими управляет некая скрытая от нас дирижерская палочка? Ясно, что большевикам желательно, чтобы их не боялись и к их нападению не готовились; известно, что Дьявол предпочитает, чтобы в его существование не верили. Но отчего вдруг полезли

в нашу печать — зараз справа и слева! — столь усердные и прыткие *Advocati Diaboli*!

"**Вечерний Звон**" №13. "Ыгы но "уг", "уг" шуэ но, нош кечез ялан кутэ" — гласит мудрая удмуртская пословица: "И филин говорит "нет", "нет", а зайцев всегда ловит". Ловит наивняков и советская власть; хотя ведь уж сколько мы видели примеров ее лживости! Поймался и "Вечерний Звон", объявляющий в передовице: "Очевидно, что реформы, предложенные М. Горбачевым, не только достаточно широки, но переходят уже в необратимую стадию. Очевидно, что процесс продолжает расширяться, и нынешние изменения глубже и необратимее хрущевских. Разница моментов, прежде всего, в допускаемом властями снижении степени зависимости человека и общества от государства".

Предскажем: или редакции придется дать обратный ход, или, гораздо хуже, говорить все более глубокую неправду, в которую, постепенно никто уже и верить не будет. Впрочем, мы тут же читаем: "Ну, а если нам суждено разочароваться"... Да верно уж, суждено! Тот путь, на который "информационно-просветительский листочек" сейчас становится, ведет в тупик; все, кто в эмиграции его избирал, упирался потом носом в стену. Но вот, — охотники пробовать находятся, все новые и новые. Исполать!

"22" №49. А. Синявский шумно спорит с С. Хмельницким, втягивая в распрю друзей и союзников. Хочется ему и другим плюралистам сказать: господа, кто из вас на кого стучал в СССР нас мало занимает. Может быть, там это делали все на всех. Мы бы вас только просили, за границей не продолжать. Ан нет! Некоторые уже постукивают. "Стране и миру" везде чудятся пособники Гитлера, и она умильно поглядывает на американско-советскую комиссию по истреблению власовцев. И. Шамир ликует по поводу расстрела Е. Лукьянова, и нам всем желает того же. В. Матлин рисует в героических красках охоту за головами предполагаемых "**преступников войны**". Г. Владимов... о нем см. выше. Что же за нравы вы хотите ввести во свободном пока еще мире? Одно дело сигнализировать Лубянке из Москвы (тоже нехорошо), другое — из Мюнхена, Парижа или Нью-Йорка (вовсе уж скверно). Там — могло быть из страха за себя; а тут зачем? Перестаньте, господа!

В. Шляпентох и О. Кустарев дискутируют о русской интеллигенции. Спор слепорожденных о красках и живописи; мы только убеждаемся, что они, ни тот, ни другой, к нашему классу, к подлинной интеллигенции, не принадлежат.

"**Вестник Р.Х.Д.**" №146. Н. Струве в передовице спрашивает, по поводу происходящего в СССР: "Будет ли эта оттепель лишь

очередным повторением предыдущих?" Несомненно, так; к чему тут и вопросительный знак? Того же Струве благодарим за воспроизведение, в эссе "В. Ходасевич и В. Набоков", малоизвестной эпиграфии сего последнего Гумилеву:

Гордо и ясно ты умер,
умер как Муза велела.
Ныне в тиши Елисейской
с тобой говорит о летящем
Медном Петре и о диких
ветрах африканских — Пушкин.

За нее Набокову много грехов простится. А что он, позже, "не мог перечитывать" Гумилева, это и нормально: слишком далеко отошел он от благородства и ясности духа поэта-героя, которые еще были ему близки в 1923 г., когда он данную надгробную надпись составлял. Тут же, в докладе "Два акмеизма", И. Мартынов разбирает частный вопрос об отношении к Фра Беато Анджелико Гумилева, Блока и Городецкого. Однако цитирует он стихи не Блока, а Бальмонта, сами по себе прекрасные, и не столь уж далеко отстоящие от концепции Гумилева. О Городецком что и говорить: он свою беспринципность продемонстрировал с треском, перейдя от славословий царю к славословиям Советам. Мартынов правильно подчеркивает важность в творчестве Гумилева "Канцоны Второй", "Заблудившегося трамвая" и стихов о Беато Анджелико, совпадая целиком в оценке с О. Ильинским (см. выше).

Отрывок из "Марта 17-го" о князе Львове нет смысла здесь обсуждать: желающие его прочтут в уже вышедшей в свет отдельной книге.

"Континент" № 50. Отличные стихи Р. Запесоцкой выше обычного уровня "Континента". Остальные поэты в номере не могут идти с нею в сравнение. С политической точки зрения стихотворение Н. Горбаневской "К дискуссии о статистике" безупречно; но с художественной представляет собою сырой, неоформленный материал.

В трагифарсе В. Максимова мы видим в западном Берлине подсветских блатных, пьяниц и уголовников, да перекинувшихся чекистов, малых и больших степеней (неужели

только такие люди из СССР и бегут?), а если попадают все же порядочные, то они — дурачки; с западной же стороны, — молодую немку, наркоманку и нимфоманку, подавленную представлением о виновности Германии. Немецкий писатель дрожит от ужаса перед возможностью нового гитлеризма; русский же писатель (очевидно — рупор автора?) судит о России так: "Организма уже нет, есть одна сплошная раковая опухоль". Какие же остается сделать выводы? В "Колонке редактора" Максимов констатирует: "Здесь, на Западе, существуют достаточно мощные силы, которые сделают все от них зависящее, чтобы укрепить этот режим" (т. е. советский режим). Они есть; ну и что же? Это суть **силы зла**, коим мы должны, сколько в состоянии, противостоять, а не вешать нос.

"Внимание, опасность!", запись якобы речи некоего партийца в СССР, является, видимо, фальшивкой, имеющей целью дискредитировать русский национализм. Зато действительно стоит обратить внимание на статью молодого американца Д. Моро "Пусть память служит пониманию". В ней выражаются умные, верные мысли, — которые чрезвычайно редки в устах его соотечественников! "В одной из своих речей несколько лет назад президент Рейган назвал Советский Союз империей зла. Он говорил о режиме, который за свою сравнительно короткую империю убил людей во много раз больше, чем сделал это гитлеровский рейх; который покорило себе не только русский народ и другие народы Советского Союза, но и половину Европы и значительные пространства Азии и Африки; о режиме, который удерживает свою власть при помощи легализованного насилия и тщательно вытканной паутины лжи". Капля дегтя в бочке меду, — словно бы одобрительный отзыв Моро о прекращении, по **моральным** якобы соображениям, поддержки Америкой авторитарных режимов, дружественных Западу, — таких как режим шаха в Иране или Маркоса на Филиппинах, эти вещи, как раз, — из числа худших ошибок США, чреватых страшными последствиями.

Печатается в порядке дискуссии

Николай ВОЕЙКОВ

ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Свою полную несостоятельность не только в духовном, но и в материальном, в хозяйственном отношении коммунизм полностью доказал.

В то же самое время ему не удалось убить веру, убить христианство, убить православие, как он намеревался это сделать. Это тоже ясно. Ему даже не удалось убить монархическую идею, которая, сколь нам известно,

переживает известный ренессанс.

Накануне празднования нами 1000-летнего юбилея Крещения Руси своевременно вкратце коснуться и зарождения у нас монархического идеала. Как писал А. В. Карташев: "Византийские понятия о богоустановленности власти государственной были восприняты Русью. Эта грандиозная, всемирно-историческая схема, или священная историософия, ведущая начало

из Библии, рассматривала служение православного народа как служение, входящее в план Божественного мироправления. Православные императоры, "василевсы", были для греков, а затем и для остальных православных государств, наследниками царства Ромейского, перешедшего от Первого Рима ко Второму (Византия). Император был для них царем этого единого и единственного во вселенной царства, канонически полномочным попечителем Церкви, защитником правых догматов и всякого благочестия. Когда в 1453 году пала Византия, это было истолковано как Божий суд над Вторым Римом, и мистическим центром мира стала Москва, Третий Рим и последний. Оттуда родилось и великодержавное самосознание русского народа и осмыслилась его вечная миссия. Верная Православную русская держава, еще окончательно не сбросившая с себя ига Орды, стала внутренне великой".

Вместе с православным вероучением, чистоту которого Церковь оградила канонами семи Вселенских Соборов, из Византии проникла в Киев и так называемая "Симфония властей", то есть порядок соотношений между церковной и государственной властью. Под влиянием Церкви государство призывалось усовершенствовать принцип гражданской справедливости согласно принципу действенной христианской любви, основы религии. Следовательно, признавая духовное превосходство Церкви над государством, теория симфонии указывала государю на цель и смысл служения высшим идеалам. Христианство призывало государство, учреждение земное, стать, по мере возможности, соучастником в церковном деле спасения людей, следуя увещанию апостола Павла: "Едите ли, пьете ли или иное что делаете, все делайте во славу Божию" (1 Кор. 10, 31). Это согласие между священством и царством разумелось как основанное на заповедях Христа без каких-либо компромиссов с совестью, ради внешнего, чисто человеческого мира. Залог государственного благополучия усматривался в гармоническом взаимоотношении Патриарха и Царя, исключая вмешательство светской власти в церковные дела и Церкви в дела государственные. Вмешательство светской власти в дела Церкви особо предотвращалось постановлением 4-го Вселенского Халкидонского Собора (451), гласящим: "Никакой прагматический указ, противный канонам, не должен иметь силы: должны преимущественно каноны Отцов".

Итак, теория симфонии проникла на Русь вместе с источниками русского церковного права, каковыми являлись правила Вселенских и поместных соборов и Св. Отцов, заключенные в "Номоканон", или "Кормчую книгу". Благодаря древним летописям, как

отметил проф. Зызыкин, мы можем проследить за развитием и оформлением у нас идеи православной монархии.

Летописи — это не только перечень политических и общественных событий, происшедших в вольных городах и княжествах. Мы находим в них и нравственные поучения, и тонкие психологические анализы древнего быта, и, наконец, изложения идеологического порядка. Ввиду того, что летописцами были преимущественно монахи, их рассуждения особо ценны, как отражающие в известной мере взгляд Церкви на разнообразные темы.

Монархический принцип, как это отметил С. А. Корф, исследовавший древние летописи с идеологической точки зрения, являлся господствующей идеей летописцев. Любопытно, что даже летописи Новгорода, государства, первоначально построенного на принципе народоправия, восхваляли монархическую идею в противовес форме правления, принятой в вольном городе. В летописях одни лишь государи удостоены биографий, а начиная с XII века летопись принимает характер подлинной пропаганды монархии. Историк М. В. Шахматов, говоря об учении летописей о Русской земле, о скреплении ее многоплеменных частей, о значении древнего князя и его политических задачах, особо подчеркнул это развитие идеи монархии. Постепенное выкристаллизование русской идеологии, отличной от греческой, приспособленной к чисто русским задачам, содействовало сплочению воедино отдельных ветвей государства. Принцип богоустановленного сильного единодержавия вырабатывался нашими древними писателями, воспитанными в духе Православия, изучившими греческую философию и получившими высокое богословское образование, которому завидовали их западные современники. Летописи указывают на основы русского культурного единства, сложившегося из славян восточных православной византийской культуры, варягов той же культуры, давших Руси княжескую династию, финнов, сроднившихся со славянами, и греков, давших ей после Крещения иерархию и духовенство. Лаврентиевская летопись, кроме того, повествует о зарождении в Киеве идеи богоизбранности русского народа.

Уже в X веке греческий философ говорил св. Владимиру об особой богоизбранности Израиля, после Христа перешедшей на всех православных христиан, к которым Русь приобщилась после своего Крещения. В то время летопись рассматривала Царьград как центр проявления особой благодати Божией. Развитие русского подвижничества, религиозного сознания, мученичество за веру князей и народа представлены как искупительные. Согласно летописям, следовало сознавать необходимость княжеской власти, повинуюсь

князю и воздерживаясь от мятежей, ощущая свою ответственность перед Богом и князем, как это выражалось в то время в поучении: "Бога бойтесь, князя чтите". При избрании князя народ подтверждал ему свою преданность и послушание крестным целованием, нарушение которого считалось большим грехом. Монархическая власть, милующая и карающая, сравнивалась в летописях с властью Божией, о которой Ярослав Мудрый говорил: "Бог наводит по грехам на каждую землю посещение гладом или мором или вѣдром или иною казнью". Беды эти считались предками нашими карами за нарушение государственных, правовых и нравственных обязательств.

Демократическая форма правления ясно осуждалась в летописях и древних сочинениях: ввиду того, что воля большинства может выражаться за неправду и зло, может высказаться за дьявола, летописи не считали возможным подчиняться таковым решениям. Восхваляя единовластие князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, Лаврентиевская летопись сомневается в справедливости вечевых приговоров Новгорода: "Неправи бо суть Новгородцы, они в самочиные уклонишася и с князем своим улаженный завет преступать начаша и князей своих безчинноваша и прогнаху от себя, осрамиху и грабяху". Основания такого мнения о демократии древние летописи находили в Св. Писании, где сказано: "Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, уклоняясь за большинством, чтобы извратить суд" (Исх. 23, 2). О верховной же власти приводятся слова Моисея к Израилю: "Когда придешь ты в землю, которую Господь Бог твой дает тебе и скажешь себе: "поставлю я над собой царя, которого избрет Господь твой" (Второз. 17, 14–15).

Самодержавный идеал выражается в летописных похвалах Святославу, св. Владимиру, Ярославу Мудрому, причем Святослав уподобляется Александру Македонскому, св. Владимир — Константину Великому, а Ярослав — Соломону, знаменитейшим царям древности.

Лучшим из князей летописцы давали титул самодержцев за их стремление объединять русские земли, например, в Тверской летописи. В мартовской служебной Минее XI века св. Владимир приведен как образец единовластного государя. Митрополит Никифор I (1103–1121) восхвалял Владимира Мономаха как самодержца, а патриарх Константинопольский Лука Хризоверг (1156–1169) писал Андрею Боголюбскому, что наряду с митрополитом всея Руси должен быть и великий князь всея Руси.

Любопытно, что первоначально летописцы величали "великим князем" того, которого они хотели особо возвеличить за его заслуги, не приписывая этому титулу смысла постоян-

ности. Во всех дотатарских летописях и в поучениях св. Феодосия Печерского послушание старшему, старейшему, князю представлено как условие достижения государственного единения всех удельных князей. Несомненно, если бы Киевская Русь возглавлялась в XIII веке одним государем, это могло бы предотвратить нашествие Батыя: вспомним, что задолго до него татарские лазутчики навдывались в наши земли, учитывая существовавшие тогда удельные разногласия, ставшие основной причиной победы монгольских полчищ.

По свидетельству Лаврентиевской летописи наше политико-религиозное правосознание выработалось, когда князья стали стремиться завоевывать себе честь и славу в военных подвигах, особенно в походах против неверных: "чуди поганой", диких половцев и т. д. При обряде церковного благословения князю вручались крест и меч, и он становился как бы крестоносцем против врагов Христовой Церкви. Защита Руси и Церкви от "поганых" являлась для князя-рыцаря христианским подвигом. Согласно летописям таковой крестовый подвиг князьям пришлось нести с XI века до момента, когда Иван Грозный водрузил крест среди Казанского кремля, знаменуя этим торжество Креста над полумесяцем. Весь этот период русской истории для летописей являлся как бы непрерывным подвигом, защитой невидимого Гроба Господня князьями-крестоносцами и "страдальцами за Землю Русскую", как величает летопись многих князей, например св. Александра Невского.

После падения Византии в 1453 году Россия получила право самостоятельного выбора своего митрополита, получившего титул "Московского и Всея Руси", так как столицей после Владимира стала Москва, вокруг которой Калита и его преемники постепенно "собрали" прежние уделы. Роль защитника древнего благочестия от греческих императоров перешла к нашему государю, вследствие чего к его титулу было прибавлено следующее: "Благодарный, благочестивый, христоролюбивый, в благочестии цветущий, православный Великий Князь". Престиж Московского государства возрастал по мере того, как постепенно слабели татары. Начавшиеся междоусобицы между ханствами Золотой и Белой Орд побудили монгольских вождей прибегать даже к помощи великих князей Московских. Так, Ногайская Орда согласилась платить им дань взамен союза против своих соперников. Это позволило воеводам Ивана III (1462–1505) завоевать земли Пермскую и Югорскую до самой Оби. Следовательно, к титулу Московских государей прибавилось княжество Югорское, при сыне его Василии III — княжества Обдожское и Кондийское, а

первый царь Иван Грозный именовался уже князем Сибирским. Татарское господство, начавшееся в Сибири в XV веке, позволило потомкам Чингис-хана захватить земли мирных инородцев, остяков, вогулов, башкир и др., которые получили защиту от промышлявших там казаков. Распри между шейбанидами и сторонниками бека Тайбуги, непрерывные набеги хищных татар на поселки соседей закончились, как известно, покорением этого края.

Тем временем на русском севере, со времен Киевской Руси, происходила мирная колонизация в самых глухих и непроходимых инородческих краях, вплоть до Ледовитого океана. Расширяя и совершенствуя миссионерство киево-печерских монахов, исключительную роль там сыграли ученики св. Сергия Радонежского (1314 — 1392), вдохновителя на ратный подвиг против татар при Куликовском сражении. Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV вв. возникло среди лесов Костромского, Ярославского и Вологодского Заволжья. Эти лесные обитатели стали опорными пунктами христианской цивилизации: они служили одновременно пристанищем для переселенца-хлебопашца, хозяйственным руководителем, ссудной кассой и приютом под старость. Как писал Ключевский, так создавалась верхне-волжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество св. Сергий ("Благодатный воспитатель русского народного духа" — речь, произнесенная в Московской Духовной Академии 26 сент. 1892 г.). Своими подвигами монастыри привлекали не только русских поселенцев, но и диких инородцев, пораженных кротостью, смирением, трудолюбием и бескорыстием монахов. При этих скромных, в начале лишь духовных, центрах строились избы и поселки, постепенно возраставшие в крупные села и города в самые тяжкие для Руси годы татарского ига. Как писал немец Эрнст Бенц: "Пермякам, остякам, вогулам, татарам, якутам, тунгусам и всем 72 языческим народностям русские несли не меч, а свет православной религии и необычайное уважение к человеку — образу Божию" ("Достоинства и права человеческой личности и жизни Православной Церкви в России"). Такими путями слагалась будущая Российская Империя, единственное в мире государство, где инородческие племена, как и вековые враги татары, получали от православных государей те же права, что и русские граждане.

После освобождения от ига между нашими государями и Церковью, с 1589 года возглавленной Патриархом Московским и Всея Руси, продолжалось самое тесное сотрудничество,

симфония, как и в Киевскую эпоху. Возвеличение государей отнюдь не ставило духовенство в приниженное положение. Когда государи вели себя неподобающим образом, Церковь обличала их, как и прочих верующих, как это сделал Митрополит Филипп, осуждая жестокости Грозного. Со своей стороны, Церковь, исходя из Св. Писания и святоотеческих древних традиций, считала царскую власть единой правильной формой правления, а в неделю Православия возглашалась анафема всем "отрицающим Божественное происхождение царской власти и надлежащее к ней отношение". Действия царя были неразрывно сопряжены с его саном, разные обряды царской жизни не были внешней декорацией, а символизировали основные царские обязанности. Целью этих обрядов было также побуждение религиозного чувства для правильного уяснения сущности царского служения. Царь воплощал в себе, так сказать, отличительные черты русского православного быта: справедливость, любовь к нищим, странникам, обиженным. Помазанник Божий, как писал проф. Доброклонский, призван был публично свидетельствовать свое исповедание практического христианства. В этом заключался смысл царских выходов, традиционных посещений тюрем и т. д. Архитектурные памятники тех времен, как видно в Кремле, показывают нам, что до конца XVII века дворцы и частные дома являлись как бы продолжением храма. Весь быт древней Руси переплетался с церковной жизнью и ее правилами, царская власть была центром этого быта, символизируя собой "симфонию властей". Царь, подчинявшийся законам Церкви, признавал себя обязанным следовать и ее дисциплине.

Московская Русь, сумевшая во главу угла поставить духовный принцип, стала благодаря этому центром притяжения разноплеменных народов, привлекаемых православной культурой, воплощаемой в их глазах "Белым Царем". Монархия являлась неотъемлемой частью народного имперского идеала. А. С. Хомяков писал: "Русской земле не только не известна борьба, но даже и не доступна мысль, подавшая повод к борьбе государственного права, стремившегося управлять правдой церковной, с церковной иерархией, стремившегося оторваться от тела Церкви и потом овладеть правом государственным. Русской земле известно различие состояний, более или менее определенных, и даже сословий, дружины и земщины, но неизвестны ни вражда между ними, ни ожесточенное посягание одного из них на право другого, ни оскорбительное пренебрежение одного к другому, раздражающее страсти человеческие более, чем нашественное угнетение... Князь Пожарский и его ратные товарищи во время

своего спасительного подвига и после него действуют всегда и во всем от имени и воли своих братьев-сограждан.

Жизнь историческая никогда не отрывалась от жизни общественной, и Патриарх мог усмирять мятежные волнения народа угрозою, что внесет повесть о них в страницы обличительной летописи... Русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащая чувству любви. Такова была внутренняя цельность жизни и законов, ею признаваемых, несмотря на всю нестройность и дикость ее явлений. Эта цельность зависела от полноты и цельности самого просветительного начала, сохраненного и переданного нам мыслителями православного Востока. Хранителями ее были все люди, старавшиеся сообразовать свои действия и мысли с чистым учением веры. Главными же представителями были бесспорно писатели и деятели духовные, от которых осталось нам так много слов поучения и утешения, и та сеть обителей и монастырей, которыми охвачена была вся Святая Русь. Вся история нашего просвещения тесно связана с ними. Высшее духовенство любило науку и искусство. Св. Митрополит Петр, основатель Московского первенства в иерархическом порядке, трудился собственноручно над украшением храмов живописью. Св. Алексей собирал с любовью памятники древней эллинской словесности. Св. Кирилл переводил Галена, и эта связь веры с наукой восходит до первого озарения Русской земли верой Христовой. Монастыри, собирая богатые книгохранилища, тогда еще редкие по всей Европе, служили рассадниками всякого знания" ("По поводу статьи Киреевского", Пол. Соб. Соч., т. 1, стр. 245 — 246).

Как и во времена Киевской Руси, духовенство наше в своей проповеди руководствовалось не выгодой, а смиренною любовью и добрым примером. Напомним о строгих инструкциях Стоглавого Собора посланному в завоеванную Казань еп. Гурию: "Никого не обращать силой, а заступиться за пасомых перед воеводами и правителями". Унаследованное от Киевских князей древнее русское законодательство, краеугольным камнем которого явился церковный закон, превосходило современное западное, как в XI веке, так и в XVI. Задолго до "Царского Судебника"

Грозного, московские государи всемерно усовершенствовали правосудие, заботясь о народном благосостоянии не речами, а конкретными мерами. Закон гарантировал личную и имущественную неприкосновенность всех своих подданных, включая и инокорцев, и иноверцев. Неприкосновенность же личности, существовавшая в Московской Руси Грозного, в Англии введена была лишь законом 1672 г. "Хабеас корпус акт". Русь не знала рабства и прикрепленные к земле крестьяне не являлись холопами, как в Польше и Западной Европе. В XVI веке они были "вольными хлебопашцами" и "крепостное право" учреждено было лишь в XVIII веке. Как отметил Ключевский, на Московской Руси сословия различались не правами, как на Западе, а распределенными между ними обязательствами, повинностями. Каждый должен был либо оборонять страну, либо кормить обороняющих. Вот этот-то православный дух справедливости и милосердия и привлекал к Москве целые народы, благодаря чему, задолго до Петра I, Московская Русь была уже фактически империей. Как правило, с древнейших времен, для решения особо важных государственных дел, государи созывали Земские Соборы, составленные из всех сословий, неслыханное на феодальном Западе учреждение. В них принимали участие выборные, служилые и тяглые люди со всего государства, благодаря чему, не в пример парламентам современных нам "демократий", выражались подлинно народные настроения и пожелания. Так, в 1566 году, Московский Земский Собор решал важнейший вопрос внешней политики — войны или мира с Литвой, и Иван Грозный поступил согласно соборному решению.

Таковы были, в свете исторической правды, пути, по которым веками следовала Русь, преодолевая все беды и препятствия, выпадавшие на ее долю. Нашему поколению, выросшему за рубежом, неведома была Российская Империя, а советская и иностранная о ней дезинформация преизобилует ложью и клеветой. Несомненно, будущие историки освобожденной России сумеют восстановить истину о Московской Руси, чтобы, как писал наш провидец Достоевский, наше отечество вновь обрело "тот путь, на который нам следует вернуться после двухсотлетнего отсутствия".

В. ПИРОЖКОВА

ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Н. Воейков предложил нам напечатать его статью в порядке дискуссии. Мы это и делаем. В связи с этим я разрешаю себе внести первый дискуссионный вклад.

Автор статьи пишет о византийском принципе, который перешел и в Россию, и который имеет название "симфонии властей". В идеале это означало, что царская власть и

церковная власть сотрудничают на равных началах, ни одна из них не подавляет другую, а они взаимодействуют для возможно большего проникновения христианством народа и народов. "Залог государственного благополучия усматривается в гармоничном взаимоотношении Патриарха и Царя, исключающем вмешательство светской власти в церковные дела и Церкви в дела государственные", — пишет Н. Воейков. Это — идеал, который, однако, предполагает, что государственная власть в своих действиях будет хотя бы приблизительно руководствоваться христианской верою, иначе как может быть, что Церкви не вмешается в дела государства. Она вмешивается уже тем, что наставляет своих членов поступать по-христиански, а ее члены — это же граждане государства и, если государство требует от них бессовестных дел, а они по научению Церкви сопротивляются, то государство, конечно, предъявит Церкви обвинение во вмешательстве в государственные дела.

Мы знаем, что история Византии была полна борьбой между императорами и патриархами, причем первые обычно одерживали верх. Но в нашем кратком первом дискуссионном вкладе мы не можем подробно останавливаться на истории Византии, тем более, что статья Н. Воейкова посвящена русской истории. И в этом аспекте автор создает у читателя впечатление, что в Московской Руси эта симфония была не только идеалом, но действительностью. Так, автор пишет: "Царь, подчинявшийся законам Церкви, признавал себя обязанным следовать и ее дисциплине". Опять-таки это — идеал. А как было в настоящей, живой истории? В другом месте автор пишет: "Когда государи вели себя неподобающим образом, Церковь обличала их, как и прочих верующих, как это сделал Митрополит Филипп, осуждая жестокости Грозного". На этом автор ставит точку и дальше об этих двух лицах нет ничего. Читатель, не искушенный в русской истории, может подумать, что Грозный прислушался к обличениям митрополита Филиппа и изменил свое поведение. Тем более, что в истории такие примеры бывали. Так, в конце 4-го века Миланский епископ Амвросий обличил императора Феодосия в том, что тот отдал приказ жестоко расправиться с жителями Фесалоник, которые были собраны на стадионе, поскольку в этом городе был убит офицер армии императора. Хотя Феодосий почти сразу послал в догонку другой приказ, отменявший первый, но второй запоздал, и значительная часть населения была уже убита. Епископ Амвросий не пустил императора Феодосия в храм и потребовал от него публичного покаяния. И император этому подчинился! Это был второй случай, когда

епископ требовал от императора покаяния, но мы подробно упомянули именно об этом, т. к. он отчасти напоминает действия Иоанна Грозного, за которые его и обличал митрополит Филипп. А как же реагировал Иоанн Грозный? Он покаялся, хотя бы и не публично? Ничуть. Он приказал Малюте Скуратову задушить митрополита Филиппа. Отчего же Н. Воейков не пишет об этом, оставляя у читателя ложное впечатление, как будто бы обличения митрополита не принесли ему страшных последствий. Занявший пост убиенного митрополита новый митрополит Кирилл пресмыкался перед Грозным, что по человеческой слабости понятно и, может быть, и простительно, но о какой симфонии, о каком подчинении царя дисциплине Церкви здесь может быть речь?

Но уже отец Иоанна Василий III пренебрег дисциплиной Церкви. Когда выяснилось, что его жена Саломея не может иметь детей, он потребовал от Церкви развода. Церковь сопротивлялась, т. к. бесплодие жены не является причиной для развода. Тем не менее Василий III настоял на своем, заточил свою жену в монастырь и заставил Церковь благословить его брак с Еленой Глинской при живой жене. Где здесь дисциплина Церкви? Верующий государь должен был бы подчиниться воле Божией и примириться с тем, что его младший брат или племянник (у меня нет под рукой родословной Московских князей) вступил бы на престол после него. Может быть, промыслительно Господь и хотел именно этого родственника видеть на великокняжеском престоле. Василий III неправыми действиями поставил свою волю наперекор воле Божией, и его сын Иоанн, строго говоря, не был законным наследником.

Церкви на Руси пришлось подчиниться. Мы знаем в истории случай, когда Церковь не подчинилась, не разрешив английскому королю Генриху VIII развод с его женой для женитьбы на другой. И здесь король достиг того, чего хотел, оторвав церковь своей страны от Рима и принудив ее дать ему развод и благословить его новый брак при живой жене. Интересно, что Англиканская церковь, возникшая из развода, сама разводов не признает. Уже в наше время Эдуарду VII пришлось отказаться от престола, чтобы жениться на разведенной американке.

Иоанн Грозный в вопросе брака уже совсем не считался с Церковью. Только первая его жена скончалась и только второй свой брак он заключил в рамках церковных правил как вдовец. Но он был женат 7 раз, и он преспокойно заточал своих жен в монастырь и женился снова при живой жене. Строго говоря, трагически погибший царевич Димитрий, сын от седьмой жены, не был законным наследником.

В Смутное время все, конечно, перемешалось, говорить о симфонии в такое время трудно. С воцарением же первого Романова, может быть, и можно говорить о симфонии тогда, когда создалась совершенно единственная и неповторимая ситуация: патриархом был родной отец (Филарет), а царем родной сын (Михаил Федорович). Уже при Алексее Михайловиче возник конфликт между духовной и государственной властями. Сильный волей и властный патриарх Никон считал, что в случае разногласий царь должен прислушиваться к его голосу. Но и в этом случае победила государственная власть: Алексей Михайлович лишил патриарха Никона патриаршего престола при помощи восточных патриархов, Антиохийского и Александрийского.

Сын же его, Петр Великий, и вовсе уничтожил патриархат и подчинил Церковь фактически государственной власти. Где же тут симфония? Мы имеем в виду не идеал, а историческую действительность.

Далее мы находим в статье такую фразу: "Неприкосновенность же личности, существовавшая в Московской Руси Грозного, в Англии введена была лишь законом 1672 г., "Хабеас корпус акт". Прочтешь эту фразу и недоумеваешь: неприкосновенность личности при Иоанне Грозном?! Что имеет автор в виду под "неприкосновенностью личности"? Может быть, не то, что мы все имеем в виду? При Иоанне Грозном казнили без суда и часто и без следствия по прихоти монарха или страшными пытками доводили людей до "признания" вин, которых не было, слуг доводили пытками до ложных доносов на их господ, казнили не только обвиненного (справедливо или ложно) боярина, но часто всю его семью, включая малых детей. А какой разгром был учинен свободолюбивому Новгороду! В Псковском соборе и при большевиках, превративших собор в антирелигиозный музей, не была тронута гробница юродивого, который, по преданию, спас Псков от такого же разгрома. Расправившись с Новгородом, Иоанн направлялся в Псков, намереваясь и там учинить подобный же разгром. Ему навстречу вышел юродивый и подал ему кусок сырого мяса. Иоанн сказал, что он сырого мяса не ест. "Сырого мяса не ешь, — сказал юродивый, — а кровь человеческую пьешь!" К счастью, в те времена даже у жестоких царей был трепет перед юродивыми. Иоанн повернул коня и не подверг Псков разгрому. Такова легенда.

И не только фактически, но и в теории Иоанн считал, что он по произволу может распоряжаться жизнями своих подданных. Читал ли автор статьи переписку Иоанна Грозного с князем Курбским? Иоанн пишет, что князь должен был идти на плаху и в том случае, если он ни в чем не виновен. Обязанность подданных подчиняться всему, что прикажет Помазанник Божий, в этом и есть исполнение заветов Божиих со стороны подданных, а потом будет Страшный Суд, на нем он, Иоанн, будет осужден, если он казнил невиновных. А здесь, на земле, нет иного суда и иного права, как воля монарха. Иоанн был ученым богословом и искушен в казуистике. Но вот таковы были его убеждения и такова действительность его царствования. О какой неприкосновенности личности можно в этой связи говорить?

Отметим еще, что Н. Воейков пишет о выкристаллизовывании "чисто русской идеологии" в ранние века после принятия христианства. "Идеология" — это модное слово и довольно одиозное. Говорить об идеологии в 12 — 13 вв. нам кажется по меньшей мере странным. Но мы хотели бы, чтобы автор обрисовал нам эту якобы уже тогда возникшую идеологию. В чем же она конкретно состояла?

Затем автор затрагивает огромную тему богоизбранности всех "православных христиан", не уточняя этого термина. Если говорить о переходе богоизбранности древнего Израиля на христиан, как раз на это ссылается автор, то нужно сказать, что у первых христиан не было специфического, в нашем понимании, наименования "православные", они были просто христиане. Утвердившаяся же Церковь называла себя полным именем так: Кафолическая (католическая), православная, апостольская Церковь. Десять веков это было общее название Церкви, затем как Восточная, так и Западная стали претендовать отдельно на это полное название. В просторечии различают православных и католиков как восточных и западных христиан, но в богословских вопросах нужна большая точность. Не стоило затрагивать огромную и сложную тему богоизбранности, чтобы коснуться ее двумя фразами и затем снова бросить.

О многом, конечно, можно еще говорить по поводу статьи, но в нашем первом вкладе мы ограничимся сделанными замечаниями. Ответ автора, если он последует, мы, конечно, опубликуем.

Михайло МИХАЙЛОВ

О ПРЕСЛОВУТОМ ТОТАЛИТАРИЗМЕ

В то время, как за пределами СССР понятие "тоталитаризма" в общественных науках уже несколько десятилетий является одним из основных социологических определений некоторых общественных систем, зародившихся в 20-м столетии, в Советском Союзе даже само это слово считается предосудительным. Только в самое последнее время советская печать иногда употребляет термин "тоталитаризм" как ругательное по отношению к американскому, якобы "монополистическому капитализму", не давая при этом никаких определений этого понятия. О причинах такого странного отношения к термину "тоталитаризм" стоит подумать.

Само понятие тоталитарности было введено в общественные науки лет 35 тому назад американским социологом Ханной Арендт. Ханна Арендт провела сравнительный анализ гитлеровской Германии и сталинского СССР, и на основе этого пришла к выводу, что, несмотря на некоторые различия, речь идет о тождественной форме общественной формации, неизвестной в предыдущей человеческой истории, и этот новый феномен она назвала — тоталитаризм.

Здесь коренятся и причины враждебного отношения советской науки и публицистики к самому понятию тоталитаризма. Даже употребляя этот термин как ругательный, советская печать никогда его не расшифровывает. Чаще же всего к термину тоталитаризма прибавляется уничижительное слово — "пресловутый".

Так, например, в "Литературной газете" от 30-го июля прошлого года описано выступление немецкого писателя Гюнтера Грасса на недавнем Конгрессе Пен-клуба в Гамбурге:

"Гюнтер Грасс, — пишет газета, — прозаик выдающийся, пользующийся международным авторитетом. Но, право, прискорбно, когда он вслед за американскими "носорогами" антисоветизма повторяет, будто фашизм и коммунизм представляют собой тот же пресловутый тоталитаризм" (конец цитаты).

Среди социологов на Западе уже давно идет спор — является ли послесталинский Советский Союз тоталитарным обществом или нет. Однако никакого разногласия о том, что во времена Сталина советское общество было тоталитарным, не наблюдается. Для того, чтобы определить — что же это такое "тоталитаризм", проще всего проанализировать идеологию и структуру национал-социалистической Германии.

Первая и основная характеристика тоталитарности — это требование подчинения каждого человека воле надличного коллектива, представленного единой партией. Партия

— авангард, осуществляющий историческую миссию. В случае Германии, это была миссия создания нового мирового порядка со стороны, якобы, более биологически развитой и превосходящей другие, арийской расы. В случае итальянского фашизма, личность была подчинена партии, служащей созданию тотального государства. Отсюда и произошло слово тоталитаризм.

Короче говоря, какие бы ни были цели единой партии, важнейшей характеристикой тоталитаризма является подавление свободы отдельной личности и требование так называемого "морально-политического" единства. Важнейшим массовым лозунгом в гитлеровской Германии был: "Один народ, одно государство, один вождь" ("Айн фолк, айн Райх, айн фюрер"). Для осуществления этого единства нацисты ликвидировали все партии, кроме собственной, ставшей монополюющей, ввели монополию официальной идеологии, ввели полнейшее единомыслие в немецкой прессе, боролись против модернизма в литературе и искусстве, якобы декадентного и разлагающего дух немецкого народа, ввели обязательную трудовую повинность для молодежи и тому подобное. Конечно, при такой идеологии "безродные космополиты" — евреи, связанные к тому же с международным капитализмом — плутократией, властью денег, как говорили нацисты, — стали первейшими врагами и жертвами режима. Само собой разумеется, что единство такого рода невозможно осуществить и поддерживать без мощной политической полиции, проникающей во все сферы жизни общества.

Вторая характеристика тоталитарных обществ, это их, якобы, революционное происхождение в наш падший и грешный мир. Переворот с несколькими жертвами в столице страны провозглашается — революцией, ликвидация всех гражданских свобод — освобождением народа. В фашистской Италии прославляется "марш на Рим" Муссолини и группки его последователей. В Германии Гитлер и его пропагандисты не перестают твердить о "национал-социалистической революции", с которой, якобы, началась новая эпоха в истории человечества. Кстати, хотя слова о революции и преувеличенны, однако несомненно Гитлер произвел переворот весной 33-го, а не был избран единоличным диктатором на демократических выборах, как это часто пишут. На последних свободных выборах в Германии национал-социалисты получили 37% голосов, и в январе 33-го Гитлер стал канцлером в коалиционном правительстве. После нескольких месяцев, воспользовавшись поджогом Рейхстага, нацисты за-

претили деятельность всех других политических партий и ввели однопартийную монополию, за которую немецкий народ отнюдь не голосовал. Вот поэтому необходимо подчеркнуть, что нигде еще тоталитарный строй не был введен демократическим путем. И еще ни разу ни одна тоталитарная партия не рискнула проверить на свободных выборах, поддерживает ли общество, в самом деле, единую партию, и существует ли реально "морально-политическое единство народа", на которое тоталитарные вожди постоянно ссылаются"².

Третьей составной тоталитарных движений является стремление к радикальному изменению мирового порядка насильственным путем и радикальный антиисторицизм. Тоталитарное движение считает, что с момента его прихода к власти начинается настоящая история народа или всего человечества. Все предыдущие эпохи были лишь некоторого рода предысторией, общемировой спячкой. Тоталитарное "пробуждение" ведет к требованию постоянной активности, лихорадочной деятельности и неустанной борьбы за переделку жизни. Переделка жизни возможна только тогда, когда все силы общества действуют слаженно и организовано. Отсюда логически происходит прославление дисциплины как важнейшей общественной ценности. Основным идеологическим целям должны служить все общественные институты, первым делом, конечно, юстиция, от которой требуют отбросить юридический формализм. Идеолог национал-социализма Альфред Розенберг писал: "Право для нас — исключительно то, что служит немецкой чести"³.

Стремление полностью контролировать и направлять жизнь общества и каждого отдельного человека, во имя "возвышенных" целей единоспасительной идеологии, ведет тоталитарное движение к более или менее радикальной борьбе с религией, особенно с христианством, подчеркивающим экзистенциальную свободу человеческой личности. Эсесовцы, элита нацистского движения, отбросили все христианские праздники, Рождество и Пасху, и создавали новые праздники и обряды в соответствии с национал-социалистической идеологией.

Может быть, лучшей иллюстрацией фундаментального духа национал-социалистиче-

ского тоталитаризма являются речи Адольфа Гитлера — основателя и вождя Третьего Рейха, которые он произносил в кругу ближайших партийных соратников, записанные Германом Раушнинггом, вождем нацистов города Данцига, ныне — Гданьска. Раушнинг, после Рудольфа Хесса, был самым крупным нацистом, убежавшим из Германии в конце тридцатых годов, и в 40-м году напечатавший в Нью-Йорке книгу "Мои доверительные беседы"⁴, к сожалению, в то время не привлекая должного внимания в демократическом мире. В этой книге записаны речи Гитлера и о тотальной войне, и о планах закабаления славян, и об "окончательном решении" еврейского вопроса, то есть просто об уничтожении европейских евреев, что практически начало исполняться лишь в разгаре войны, да и тогда держалось в строгом секрете. Мысли Гитлера, записанные его бывшим последователем, лучше всего выражающие дух тоталитаризма, стоит послушать:

"Мы социализируем людей... Время личного счастья прошло, потому мы будем ощущать общее счастье... Я принесу миру вечную революцию, которая охватит все области человеческой жизни... Потому что партия — неподкупный судья... Человек должен всегда стремиться к тому, чтобы преодолеть свои границы. Как только он останавливается в своих стремлениях, он опускается ниже человеческого уровня и становится полуживотным... Движение — это все. Необходимо быть постоянно в движении, потому что мир — зло... Я хочу истории противопоставить принцип разрушения истории... Дисциплина — это то, что держит все вместе, а не отдельные пункты программы... Человек — бог будущего... Нам нужны свободные люди, которые бога чувствуют в себе самих... Я разрушаю догмат об искуплении человека муками и смертью Христа и основываю новый догмат об искуплении человека жизнью и активностью... И Ветхий и Новый Завет — одно и то же жидовское жульничество... Мы — те, кто омолодит мир"⁵.

Вот в этих словах Адольфа Гитлера с предельной ясностью вырисовывается духовная суть тоталитарного движения и общества.

¹Анатолий Френкин. "Пять дней, которые не потрясли литературный мир", *Литературная газета*, №31, 30 июля 1986.

²Нам непонятно, отчего М. Михайлов не приводит типичного захвата власти кучкой заговорщиков в ноябре 1917 г., захвата, носящего громкое название "октябрьская революция". *Прим. ред.*

³*Наука и Религия*, №6, 1986, стр. 53. Д. Мельников, Л. Черная "Под знаком мертвой головы".

⁴Там же, стр. 54.

⁵По книге "Мои доверительные беседы", Нью-Йорк, 1940. (Перевод названия неправильный, в оригинале "Gespräche mit Hitler". *Прим. ред.*) Смотри также — М. Михайлов "Лето московское 1964 — Мертвый дом Достоевского и Солженицына", изд. "Посев", Франкфурт/М, 1967, стр. 178.

В. СИДОРОВ

ЕЩЕ О ТРЕСТЕ

Роль М. В. Захарченко-Шульц

Прошло около шестидесяти лет с тех пор, как советской власти удалось путем обмана, дезинформации и провокации нанести чувствительный удар по силам, борющимся против коммунизма. Этот удар был нанесен с помощью так называемого Треста — фиктивной монархической организации, которой руководило ГПУ и членами которой состояли чекисты наряду с искренними и честными противниками коммунизма. Трест, носивший также название Монархической Организации Центральной России (МОЦР или МОР) продолжает привлекать внимание обозревателей и в наше время. Ему посвящены книги, множество статей и даже фильм, вышедший в Советском Союзе. Этот интерес к Тресту объясняется его актуальностью, тем, что он продолжает служить примером для других подобных советских предприятий. Советы, которые сами его разоблачили, окружили его густым туманом дезинформации, из-за чего история Треста полна противоречий и требует дальнейшего изучения.

Многие исследователи Треста за границей невольно подпадают под влияние советской инспирации, поэтому извращается истинное значение Треста и он отражается в кривом зеркале. В частности, чрезмерное внимание уделяется некоторым советским агентам, работавшим в Тресте, вроде А. А. Якушева, в ущерб другим лицам, игравшим крупнейшую роль в этой организации. Замалчивается, например, деятельность Марии Владиславовны Захарченко-Шульц, личность которой почти не исследована. Она провела три с лишним года с Трестом в Москве как представительница антисоветской организации генерала А. Кутепова. Крупный русский публицист когда-то сказал о ней, что она или жертва, или участник провокации. Некоторые ее боготворят, как героиню борьбы за Россию, другие ее считают агентом ГПУ. Ее жизнь распадается на два периода — до и после эвакуации из России в 1921 году. До недавнего времени второй период оставался туманным и неясным, и о Марии Владиславовне как о человеке можно было судить только по той незначительной части ее конспиративной деятельности, которая была доступна широким кругам эмиграции. Обнаруженная в архивах Колумбийского университета в Нью-Йорке пачка ее писем к приятельнице, некоей Марии Петровне, помогает разгадать Марию Владиславовну и ее побуждения.

Мария Владиславовна, урожденная Лысова, была дочерью товарища председателя Пензенского Окружного суда. Она родилась в середине девяностых годов прошлого века,

рано потеряла мать и была отправлена учиться в Петербург, в Смольный Институт.

Чуть ли не со школьной скамьи Мария Владиславовна сочеталась браком с Иваном Михно, адъютантом в Лейб-Гвардии Семеновском полку и сыном командира 5-го Корпуса. Но вскоре разразилась война. Посланный на фронт, Михно заболел и умер, оставив после себя беременную жену. Мария Владиславовна вернулась в Пензу и родила дочь. Но провинциальная жизнь угнетала молодую женщину. Она решила отправиться на фронт вольноопределяющейся, чтобы отомстить немцам за смерть мужа. Оставив ребенка на попечение у знакомых, она вернулась в Петроград. Поступить в армию для женщины было нелегко, но Мария Владиславовна рассчитывала на помощь влиятельных петроградских друзей. Среди окружавших ее людей было несколько лиц, ставших близкими ей впоследствии: "Мария Петровна", которую она называла своим лучшим другом, полковник Г. А. Захарченко и "Гога" Радкович.

Мария Владиславовна стала брать уроки верховой езды, приобрела коня и в конце концов, ранней весной 1915 года, присоединилась к Елизаветградскому Гусарскому полку, части которого стояли на фронте. Ее пребывание на фронте было кратковременным: после Пасхи того же года она была командирована в Петроград в распоряжение Великой Княжны Ольги Николаевны, шефа Елизаветградского Гусарского полка. Она рассталась с полком в 1916 году.

В начале революции полковник Захарченко, который состоял русским военным агентом в Тегеране, получил очередной отпуск и вернулся в Петроград. Он снова встретил Марию Владиславовну, и она стала его женой.

Упомянутые письма к Марии Петровне, находящиеся в Колумбийском университете, раскрывают дальнейшую судьбу Марии Владиславовны. После окончания отпуска Захарченко с женой направились в Тегеран. Но всевозможные затруднения, вызванные политическим положением, помешали Захарченко вернуться в Тегеран, и супруги из Багдада попали в Индию. Они сперва решили обосноваться в Бомбее, но вести из России, указывающие на продвижение Добровольческой Армии к Москве и на вероятное поражение большевиков, изменили их планы, и Захарченко решили вернуться в Россию и вступить в Добровольческую Армию.

Вскоре после их вступления в Армию в 1919 году произошел инцидент, повлиявший отрицательно на отношении Марии Владиславовны к правящим кругам Добрармии. Не-

смотря на полученное легкое ранение, Захарченко был публично и резко отчитан генералом Барбовичем за неумение задержать прорыв большевистских сил на подведомственном ему участке. Легкое ранение не прошло даром. Оно кончилось заражением крови и смертью полковника Захарченко. Отповедь Барбовича вызвала взрыв возмущения у М. В. и, возможно, повлияла на ее дальнейшую судьбу.

После поражения Добармии Мария Владиславовна эвакуировалась вместе с ее частями сперва в Галиполи, а затем в Югославию и поселилась в Белграде, у своего дяди сенатора С. В. Безобразова и его жены.

Тут снова приходится сослаться на письма из архива Колумбийского университета. Их всего 26, из которых 17 относятся к периоду 1922—1923 гг. и представляют особый интерес, как рисующие обстоятельства, повлекшие за собой ее связь с Трестом. Вполне понятно, что для женщины типа Марии Владиславовны жизнь в Белграде казалась кошмаром. Ей, привыкшей к просторам и боям, было крайне тяжело сидеть в статистическом бюро, где ей удалось получить работу. Белград, как она писала Марии Петровне, казался невероятно скучным. Она реагировала на тоску и скуку так, как когда-то реагировала в Пензе: ее целью стал отъезд туда, где жизнь была полна действия. Когда-то в Пензе она решила "отомстить немцам"; теперь, в Белграде, она поставила себе целью вернуться в Россию, чтобы бороться против большевиков и им отомстить. Она стала метаться в поисках пути. В одном из писем Марии Петровне она просила указать ей лиц, работающих с красными, но сочувствующих белым. Пробовала наняться в американскую организацию помощи на работу в Россию — безуспешно.

Тем временем генерал Кутепов, глава конспиративной сети антисоветской организации, центром которой был Париж, посетил Белград. Сенатор Безобразов, по-видимому, представил ему свою племянницу, и Мария Владиславовна излила свой восторг перед Кутеповым в очередном письме Марии Петровне. Название "племянница" сохранилось за Марией Владиславовной в организации Кутепова, и она, должно быть, поэтому стала известна под этим конспиративным именем. В Белграде к тому времени оказался также Георгий Радкович, Гога, тот "мальчик", которого она когда-то представила Марии Петровне в Петрограде. Они решили вместе отправиться на работу в Россию. Было

намечено перейти через границу в Россию из Эстонии. В Эстонию отправлялись отдельно: Радкович, переходя нелегально многочисленными границами по пути в Эстонию, а Захарченко — поездом с паспортом и визами. Свою поездку в Россию она объясняла желанием увидеть дочь.

Трест уже существовал, когда Радкович, под фамилией Шульца, и Захарченко покинули Белград поздним летом 1923-го года. Советские агенты под маской монархистов установили связь с эмиграцией за несколько месяцев до этого. Уже состоялась первая встреча "монархиста" из Москвы с иностранными представителями, англичанином из Интеллидженса и американцем, служащим американского консульства в Риге. Уже был завербован советами Роман Бирк, эстонский дипломат, работавший в эстонском посольстве в Москве и ставший дипломатическим курьером по переброске информационного материала от Треста в Москве в Эстонию. Этот материал, иначе говоря — ложные донесения и всевозможные советские фальшивки, передавались как ценные секретные донесения представителям правых кругов эмиграции и английского правительства. Последние разбирали материал и частично делились им с американским посольством в Риге.

Трест в сущности был еще в зачатке. Он развил полную деятельность лишь к концу 23-го года, после отъезда Захарченко из Белграда.

Марии Владиславовне, когда она покинула Белград, еще не было 30 лет, но, судя по фотографиям, она выглядела старше своего возраста. Сидней Рейли, встретив ее в 24-м году, нашел, что она была похожа на классную даму. Вполне возможно, что эта серьезность поведения была напускная. Судя по фотографиям того времени, она не отличалась красотой: прилизанные волосы с пробором посередине, крупный нос, чрезвычайно узкие губы. Тем не менее в ее лице было что-то безусловно привлекавшее мужчин.

Перед поездкой Мария Владиславовна послала подробный маршрут своего путешествия Марии Петровне. Первый привал был в Берлине, куда письма должны были направляться по адресу Радковича. Согласно воспоминаниям Гершельмана, путешественники экипировались в Берлине всем необходимым для перехода в Россию через небольшую эмигрантскую группу, работавшую по организации террора в Советской России.

Следующий привал был в Ревеле, в Эстонии. Письма снова адресовались Радковичу.

(Окончание в следующем номере)

С. ТИКТИН

ЧТО Ж, НАЗОВЕМ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ

Статья г-на М. Агурского "Разрушительная опасность правой литературы" (The Dangers of Rightist Literary Subversion. "Jerusalem Post", January 5, 1987) с первых же строк поражает своей противоречивостью. В самом начале ее говорится, что русскоязычные издания на Западе являются темной и убыточной частью книжного рынка, не могут существовать без финансовой поддержки, то есть "субсидий", за которые ведется "кошмарный бой", что серьезные политические деятели относятся к этим изданиям как к побочному явлению, а израильские — даже с улыбкой. А вслед за тем — что "эти издания добились необычайной политической важности", что их страницы "стали полем боя для разных... кругов американской политики" и т. д. и т. п. Но главное, чему в основном и посвящена статья, — это "доказательство" страшного вреда и опасности, которые представляет русскоязычная пресса свободного мира для (!) Израиля и сионизма. В заключение господин Агурский требует назвать вещи своими именами.

Назовем.

Как и вся прочая свободная западная печать, русскоязычная пресса весьма разнообразна, многопланова и потому представляет широкий выбор для вкусов и интересов своего читателя-покупателя-рекламодателя. Она имеет не **один-единственный**, а **много** различных источников существования. Одним из важнейших является гарантированная подписка университетов и других организаций свободного мира. Производится она в основном потому, что русскоязычная пресса содержит много интересующей их информации, которая отсутствует в других изданиях.

Между различными русскоязычными изданиями на Западе действительно идет конкурентная борьба за читателя-покупателя и субсидии от разных меценатов. Конкурентная борьба перед лицом потребителя, а не "кошмарный бой", характерный для конкуренции перед лицом единственного партократического хозяина. Между авторами, разумеется, тоже идет конкуренция. Отбор материалов производится редакциями не "без критериев", а согласно их собственным критериям, которые весьма различны. Единственного и притом "единственно правильного" критерия у русскоязычной прессы, как и у всякой свободной прессы, нет, и именно это дает возможность многим тысячам выходцев из СССР на Западе выразить себя через эту прессу, не поступаясь своими моральными принципами.

Следует также отметить, что при современной постановке издательского дела и технологии печати платное распространение тиража около тысячи экземпляров уже окупает расходы на издание, а нескольких тысяч — приносит прибыль. На нынешний день русскоязычная пресса на Западе имеет рынок, способный поглотить такие тиражи.

Что же общего есть в свободной русскоязычной прессе (мы не относим к ней прессу коммунистическую, равно как и прессу погромно-нацистского толка — эту действительно самую темную часть западного информационного рынка, сплошь и рядом оказывающуюся на содержании того же хозяина, что и просоветская, и откровенно коммунистическая печать)? Это действительно ее противостояние коммунистической идеологии, которое господин Агурский, пользуясь советской терминологией, называет "правым и антисоветским". Такая направленность естественна и понятна: большинство авторов и редакторов (издателей), равно как и читателей имели "счастье" видеть мир победившего социализма собственными глазами в разные времена. Кто только "большую" зону, а кто и "малые". Позже они увидели свободный мир с его достоинствами и недостатками, стали его частью и сделали соответствующие выводы. Зато об отношении русскоязычной прессы "в целом" к Израилю говорить бессмысленно — оно очень неоднозначно. Даже в одних и тех же номерах различных журналов, в том числе и израильских, можно встретить прямо противоположные суждения и взгляды по самым разным вопросам, включая весьма критичные в отношении израильских властей и их конкретных действий. Иногда эта критика справедлива, иногда нет, но это уже издержки демократии.

Чем же все-таки провинилась русскоязычная пресса перед господином Агурским именно теперь? Не тем ли, что, используя опыт познания Советского Союза изнутри, первой дала объективную оценку событиям, произошедшим в нем в последний период?

Когда западная печать умилялась идущим в СССР "благотворным переменам" и его "новому молодому и энергичному лидеру" (как в свое время — Андропову в первые недели его правления), русскоязычная пресса заняла куда более сдержанную позицию. А затем в ней во все большем количестве стали появляться материалы, показавшие, что горбачевские "реформы" и "перестройки" ничуть не меняют сущности советской тоталитарной партократической системы;

что ее экономика по-прежнему остается жестко централизованной;

что советская внутренняя политика осталась прежней;

что в советских лагерях, тюрьмах и психиатрических застенках как и раньше продолжают мучить, пытать и убивать людей, неугодных режиму;

что освобождено всего-то сто с лишним политзаключенных — ничтожная часть от их общего числа, причем без реабилитации, что из психиатрических заключенных вообще почти никто не освобожден;

что пресловутая "гласность" — это новая метода внутренней и внешней дезинформации; что внешняя политика СССР осталась прежней и стала даже более агрессивной, что советское руководство продолжает

геноцидную войну против афганского народа и перешло к ее прямому афишированию, что оно усиливает поддержку самых экстремистских сил на Ближнем Востоке и в других "горячих точках" мира;

что оно ни в чем не отказалось ни от коммунистической идеологии, ни от задачи распространить коммунистический тоталитаризм на весь мир, а меняет только свою стратегию и тактику.

И многое-многое другое...

Сегодня восторги от личности Горбачева, его новшеств, перестроек и либерализма уже приутихли. Судя по последнему пленуму ЦК, не в восторге от сегодняшней ситуации и сам Горбачев. И если тут хоть частично "виновата" свободная русскоязычная пресса, это значит, что в трудных для нее условиях западного конкурентного информационного рынка она все-таки добилась большей политической важности, чем можно было ожидать при ее тиражах.

Честь ей тогда и хвала!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогая Вера Александровна,

как Вы, вероятно, помните, в октябре прошлого года организация по выявлению скрывающихся нацистов "Simon Wiesenthal Centre" передала английскому правительству список в 17 человек, обвиняющихся Центром в преступлениях против евреев, нацистами, которые в данное время проживают в Англии. Это — люди литовского и латвийского происхождения и, по мнению Центра, их преступления были совершены на территории, оккупированной немцами во время войны. Я обещала известить Вас более подробно об этом деле, когда оно будет освещено английской печатью. Теперь это дело прояснилось, и о нем можно написать.

После получения списка английским правительством была создана для его рассмотрения парламентская комиссия. Очевидно, эта комиссия уже пришла к заключению, т.к. на днях министр внутренних дел Англии вместе с членами Центра выступили по телевидению. Было выяснено, что из 17 человек трое уже умерли, местожительство 8 не было обнаружено, а 6 человек живут еще в Англии, очевидно, приняв английское подданство.

Здесь я хочу объяснить некоторые особенности английского правосудия, относящиеся к подобным делам. В Англии не судят за преступления, совершенные в других странах, даже английскими гражданами. Люди, принявшие английское гражданство, могут быть лишены его по суду и высланы из Англии, если дали о себе ложные показания. Английское правительство имеет договор с некоторыми государствами (здесь было бы интересно знать, с какими, Зап. Германия не имеет такого договора ни с одним коммунистическим государством, — В. П.) о взаимной передаче преступников, совершивших тяжелые преступления.

Выступая по телевидению, министр внутренних дел сказал, что материал, представленный ему Центром, недостаточно солидно обоснован и на основании его судить эти 6 человек невозможно.

Кроме списка в 17 человек, переданного Визенталевским центром, английскому правительству был передан советским посольством список в 34 человека, обвинявшихся в нацистских преступлениях и проживающих сейчас в Англии. Речь, по-видимому, идет о бывших членах Украинской (Галицийской) дивизии, воевавших под командованием немецких СС-офицеров на восточном фронте, в Словакии, Югославии и Австрии. Члены этой дивизии, около 8000 человек, избавившиеся от немецких офицеров, сдались в плен английской армии и были интернированы сначала в Италии, потом в Англии. Члены этой дивизии не были выданы советам по Ялтинскому соглашению, т.к. в 1939 г. они жили в Польше. Некоторые из них, после проверки в лагерях, уехали в Канаду, США и другие страны, но большинство живет в Англии. Многие приняли английское подданство. По поводу этого списка министр внутренних дел категорически заявил, что поскольку между Сов. Союзом и Англией нет соглашения о передаче преступников, а их якобы преступления были совершены вне Англии, да еще до принятия ими английского подданства, английское правительство рассматривать этот список не будет.

В английской прессе преобладают такие настроения: "Искать правосудия, а не мести, обеспечить, чтобы невиновные не пострадали. Если эти принципы допустят, что некоторые виновные освобождаются, — это так и должно быть... Вопрос о военных преступниках особенно осложняется тем, что многие из этих людей были невежественными, большей частью жертвами национального угнетения и войны и воевали вместе с немцами против своих угнетателей, которых ненавидели..."

В передовице газеты "The Times" от 3 марта 1987 г. говорится: "Британия христианская страна, ее законы склонны больше к прощению, чем к мести. Наша система считает обвиняемого невиновным до тех пор, пока суд не докажет окончательно, что он виновен".

Если будут еще какие-нибудь сведения по этому вопросу, я Вам напишу.

Ваша В. Богдан
Лондон, 10 марта 1987 г.

Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?

Ян Прохазка

Плохие свойства человека как такового?

Плохие руководители? Плохие народы? Плохая история?

*Может ли централизованное в масштабах государства производство и распределение сосуществовать с правами человека и со свободным обращением информации в обществе?
И ПОЧЕМУ МОЖЕТ ИЛИ НЕ МОЖЕТ?*

На эти вопросы отвечает

КНИГА ДОРЫ ШТУРМАН

"НАШ НОВЫЙ МИР"

ТЕОРИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ. РЕЗУЛЬТАТ

Рукопись книги, циркулировавшая в Самиздате с начала 1970-х гг., была нелегально вывезена из СССР. Автор, выехавший вслед, издал ее в 1981 году, дополнив (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно показали достоверность "подпольного" анализа. Новое издание расширено и дополнено материалами 1980-х гг., еще более четко подтвердившими первоначальные прогнозы.

Объем книги — 460 страниц. Цена — 15 долл. Пересылка в Европу и США морской почтой — 1,7 долл.; авиапочтой: в Европу — 2,5 долл., в США — 3,5 долл. Книгу можно получить, отправив чек по адресу: S. Tictin, 422/6 Mizrah Talpiot, Jerusalem 93802, Israel.

М. М. РОЗАНОВ

**СОВЕТСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ В МОНАСТЫРЕ
1922 — 1939 годы**

Книга первая. Издание автора, 1979, 302 стр. Стоимость 9 дол. **Книга вторая.** Издание автора, 1980, 176 стр. Стоимость 7 долл. Заказы направлять по адресу:

**Mr. Rozanov, P.O.Box 21, Sta F. Buffalo,
N. Y. 14212, USA.**

**БЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника

